

18+

ЯНЦ ГАМБ

ВОЛНА

Янц Гамб

Волна

«Издательские решения»

Гамб Я.

Волна / Я. Гамб — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-988143-4

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. «Волна» — роман о любви. Так называется детский
оздоровительный лагерь, в котором и началась эта история. А началась она
самым обычным летом. Ее зовут Лена. И она моя вожатая.

ISBN 978-5-44-988143-4

© Гамб Я.

© Издательские решения

Содержание

Книга I	6
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	19
Глава 7	21
Глава 8	24
Глава 9	28
Глава 10	31
Глава 11	33
Глава 12	37
Глава 13	40
Глава 14	42
Глава 15	44
Глава 16	47
Глава 17	51
Книга II	54
Глава 1	54
Глава 2	56
Глава 3	57
Глава 4	59
Глава 5	60
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Волна

Янц Гамб

Дизайнер обложки Янц Гамб

Редактор Галина Еремина

Корректор Галина Еремина

© Янц Гамб, 2026

© Янц Гамб, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-4498-8143-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Посвящается моим родителям. Мама, папа, вы самые дорогие и близкие!

Ее зовут Лена. Мы познакомились на Крымском побережье, когда мне было почти шестнадцать. Она была моей вожатой в детском летнем лагере. Течением жизни меня снесло правильно, в ту самую сторону и точку. Мне нужно было попасть именно туда, к ней, встретить ее, познакомиться и влюбиться.

Район горного массива Карадаг, Юго-Восточное побережье, поселок Курортное, что в одиннадцати километрах по автодороге от Коктебеля — страны голубых вершин. Описывать эту местность нет никакого смысла. Кто видел, тот знает. Скажу только, что здесь чувства натягиваются, словно струны, и начинают звучать.

Об этом было известно поэтам Серебряного века. Дом выдающегося поэта и художника Максимилиана Волошина стал приютом для интеллигенции, в нем собиралась литературная молодежь. Из года в год приезжали и останавливались друзья. Они гостили у своего друга, знакомились, влюблялись, творили. Марина Цветаева познакомилась с Сергеем Эфроном. И все это произошло здесь неподалеку.

Книга I

Глава 1

Все началось летом, которое отличалось от всех остальных и которое я вправе считать началом самой жизни. Но для этого мне предстояло попасть в детский оздоровительный лагерь. Обычно на лето меня отправляли с бабушками на берег Десны, какую-то часть времени мы обязательно проводили на собственной даче, а затем родители брали отпуск, и все вместе мы отправлялись на море в один из пансионатов.

Осенью при встрече со своими друзьями и одноклассниками мы делились восторженными впечатлениями обо всем приключившемся. Что рассказать, было у каждого и даже у тех, кто все лето провел в городе или в селе. Но большинство моих знакомых отдыхали в лагере. Из всех рассказов о летних каникулах самыми яркими были истории именно этих ребят. И хоть слушать их было крайне интересно, собственное желание оказаться в подобном месте возникло не сразу. Родители предлагали, но не настаивали.

И вот момент настал. Нужно было решаться. Ехать куда-то впервые, да еще и без родителей, признаться, было страшновато. Путевку достала моя мама у себя на работе. В Юрмалу на целых двадцать дней! Для первого раза — срок довольно долгий. В попытке рассеять мои сомнения и страхи мама сказала, что нас едет целая группа, и сын тети Наташи, Славик. Мы с ним уже были знакомы. Он старше и будет за мной приглядывать. В дополнение к этому родители заверили, что по первому же моему зову они приедут и заберут меня.

Мы прибыли на вокзал. Поезд должен был отправляться с первого пути, так было написано на табло, когда до отправления оставался целый час. Всегда и везде мы оказывались заранее, и всегда слишком рано. Это такая семейная традиция, инициатором которой является отец. Он всегда нервничает и по сто раз спрашивает одно и то же, все ли мы взяли. Нужно было где-нибудь провести целый час, и мы присели в зале ожидания. Папе на месте не сиделось, и он придумывал все новые и новые необходимые, по его мнению, элементы в дорогу. Он вспомнил, что мы не купили воду и что-то в аптеке, сорвался с места и убежал. А мы ждали. Так уже бывало, он мог вернуться, когда нервы наши уже были на пределе. Приехав заранее, мы рисковали опоздать. Вот и в этот раз все произошло точно так же. Он явился за десять минут до отправления. На первом пути поезда не оказалось. Тогда мы вернулись в здание вокзала к табло и увидели, что нам нужен не первый, а пятнадцатый путь, а это в другом конце вокзала! Видимо, за то время, пока мы ждали, запись, которую мы видели, поменяли. На старт, внимание, марш! Мы с вещами сломя голову бросились бежать.

Нас уже давно и с нетерпением все ждали, потому что билеты были у мамы. Уж было решили, что поездка не состоится. Но мы успели. Лишь только мне удалось запрыгнуть в вагон, как поезд тронулся. Родители не успели дать своим чадам положенных в таких случаях напутствий.

В поезде мы сразу же познакомились. Со Славой ехал высокий и худощавый парень с гитарой по имени Сергей и девушка Татьяна. Все они приблизительно одного возраста — пятнадцать, шестнадцать. Для меня взрослые. И двое нас — я и Володя, мой сверстник. Всего пятеро. Небольшая группа из Киева. Поездка обещала быть приятной. Слава выглядел намного старше своего возраста и ни на чем не настаивал. Он собирался отлично провести время и от проводника вернулся с пивом.

Мама Славы и моя не только работали вместе, но и дружили. И мы часто вместе отдыхали. О самостоятельности Славика мне было известно с тех пор, как мы остановились на одной съемной квартире в Друскининкае. Маленький тихий городок. Это место выбрала тетя

Наташа, затем приехали и мы. Слава тогда слушал группу Depeche Mode и пользовался дезодорантом. Помню, как он обильно им поливал все тело, не только подмышки. Он уже брился, щетина вырастала за сутки. В кафе из-за его светлых волос и голубых глаз родители отправляли делать заказ его. Нас принимали за местных и обслуживали быстрее. Ему тогда еще не было и шестнадцати.

Я люблю поезда. Так бы ехать и ехать. Без родителей, полная свобода. Был чай и бутерброды, этим занималась Татьяна. Сергей развлекал нас песнями. Из поезда выходить не хотелось. В нем все уже привычно. А что будет дальше, пока неизвестно.

Путь наш продолжался. Прибыли мы в Ригу, а лагерь находится в Юрмале. Это приблизительно в двух часах езды на электричке. И вот здесь нам очень пригодилась самостоятельность Славы. Он не растерялся, изучил расписание и купил билеты. В ожидании электрички на вокзале мы провели около двух часов. А потом еще столько же в дороге. Станция, на которой нам нужно было выходить, называлась, как и наш лагерь, «Вайвари». Направление «Асари-2». Запомнить эти слова сразу у меня не получилось. Но они были записаны на бумаге, которая находилась у Славика, и это успокаивало. А еще одна женщина на станции сказала нам, что ту часть Юрмалы называют клубничным раем, славится она знаменитой клубникой, которую в свое время завезли из Франции. Это и стало для меня ориентиром для запоминания.

Идти пришлось минут двадцать, расспрашивая редких прохожих. Наконец мы добрались до пункта назначения. Нас встретил бородатый дядька в очках и в спортивном костюме, как мы узнали позже, это был физрук Валдис. Слава объяснил, кто мы такие и откуда. Валдис сказал, что нам нужны вожатые первого отряда Аркадий и Жанна.

— Жанна? — переспросил Славик.

— Да, Жанна, — будто удивившись вопросу, ответил Валдис, — я их сейчас позову.

Мы стояли возле деревянного домика среди высоких сосновых стволов. Вещи сложили на лавочке. Сергей, не расстававшийся с гитарой, уже наигрывал и негромко пел припевчик «Стюардесса по имени Жанна».

Когда она вышла, воцарилась тишина. Мы на нее смотрели все, но ее взгляд остановился на Славике. Искра между ними проскочила в самую первую секунду, как только их глаза встретились. Она и правда была красива. Позади нее стоял мужчина восточной внешности, полный, рослый, с усами, по всей видимости, Аркадий. Сцена не осталась им незамеченной. Сославшись на какие-то дела и поручив заняться новоприбывшими, он удалился. Растерянность Жанны все еще была заметна, но она постаралась принять тот же серьезный вид, с которым появилась на пороге веранды.

— А вы ребята... вы к нам?

В переговоры с ней вступил Славик. Он сделал шаг вперед, приблизившись к ней почти вплотную. Оказалось, он выше ее на полголовы.

— Мы из Киева. Выехали вчера, прибыли сегодня. И да, похоже, мы к вам. Очень хотелось бы. Возьмете?

Он уже был влюблен в нее. Его выдавала интонация. Утром в поезде из-за очереди Славик не успел побриться. Жанна вновь подняла на него свои голубые глаза, затем перевела взгляд на Сергея, который возвышался надо всеми нами, словно одна из этих сосен на базе. И он тоже был сражен ее красотой. Было видно, насколько он смущен.

— У нас лагерь до пятнадцати, а вам, парни, сколько? — спросила Жанна.

— А нам пятнадцать, — в один голос парировали парни.

— Да, я так и поняла, — она улыбалась, а Славик не мог от этой улыбки оторвать взгляд. Когда Жанна снова на него посмотрела, он густо покраснел. — Берите свои вещи, и следуйте за мной. Я покажу ваши апартаменты.

Он шел с ней рядом, а ей все еще в это верилось с трудом. Оба понимали, что с этого дня, с этой минуты нечто в их жизни изменилось — они влюблены. «Наш» приезд ее явно обрадовал.

Глава 2

Лагерь находился на берегу Балтийского моря и был разделен на две части. В одной — отряды, во второй, дальней, жил обслуживающий персонал и директриса, а некоторые коттеджи сдавались в аренду. Домик первого отряда расположен ближе всего к входу и к столовой. Возле него мы и остановились по прибытии. Жанна указала на комнату мальчиков на первом этаже, сразу же за верандой, а лестница на второй этаж вела в комнату к девочкам. Все просто, как в казарме. Дальше мы должны были разойтись, но почему-то не тронулись с места. Наверное, каждый из нас подумал о том, что если бородатый Славик поселится в одной общей с мальчиками комнате, это будет странно. Видимо, о том же подумала и Жанна. Через минуту она вернулась с ключами, и мы уже осматривали две небольшие комнаты для гостей напротив. Этот вариант всех устроил. И мы заселились.

Мое следующее знакомство состоялось не со сверстниками, отнюдь. Сидя на той самой лавочке, на которой еще четверть часа назад стояли наши вещи, мне думалось о доме и даже немного взгрустнулось. Мимо проходили два парня и девушка возраста Жанны. Ребята увлеченно что-то обсуждали, но, увидев меня, остановились и замолчали. Они подошли ближе и стали рассматривать меня, словно я музейный экспонат. Затем спросили, играю ли я на бильярде, в американку. Вопрос показался мне странным. После отрицательного ответа кто-то из них спросил, как меня зовут. Имя мое прозвучало, а удивление с их лиц не сошло. Что с ними такое, мне было непонятно, и тогда они объяснили, что в Риге, где они живут, есть один бильярдный клуб. В нем работает еще один их друг, и все вместе они часто его посещают. У этого друга есть младший брат. Мальчишка приходит туда и всех обыгрывает. Мы с ним настолько похожи, что сначала они решили, что это он и есть. Но теперь поняли, что обознались. А вообще, просто копия.

Вот так совпадение, но начало нашему знакомству было положено. Леша, Лика и Лева, так они представились. Рыжий Лев с пирсингом в носу приехал к Алексею в гости, тот вел в этом лагере дискотеки, добряк с бледной кожей и грустными глазами. А Лика здесь отдыхала и работала по совместительству — помогала маме в столовой. Они сказали, что я могу обращаться к ним по любому вопросу, пригласили в гости. А если кто станет меня обижать, обещали разобраться. К счастью, обращаться к ним по такому вопросу мне не пришлось. Все здесь были дружелюбны и доброжелательны. Но вот знакомство с Ликой мне очень даже пригодилось, потому что аппетит у меня был отменный — растущий организм. А так всегда имелся вариант получить вторую, а то и третью порцию.

В этом лагере не было ни линейек, ни поднятия флага. Свобода выбора, и никакой бюрократии. Была зарядка по утрам у моря с Валдисом, а дальше делай что хочешь. Можно остаться на пляже, можно вернуться на территорию. Имелись и другие негласные варианты, например, в доме отдыха по соседству можно было снять теннисный корт или заглянуть в местный бар. Слава частенько это делал. Тихий час касался всех, кроме первого отряда. И дискотека в десять заканчивалась для всех, кроме гостей лагеря, отдыхающих и нас. Под гостями подразумевались гости Жанны — бывший первый отряд. Они приезжали, снимали комнаты и оставались на ночь. Отбой существовал, но, как выяснилось позже, нарушить и это правило возможность имелась. Мои ночи проходили в компании работников и гостей лагеря. Мне нравилось проводить время со старшими. С одной стороны, свобода, с другой — все под контролем. Одним выстрелом — двух зайцев! Жанна со Славиком заглядывали на огонек, но редко.

Эта совершенно новая взрослая жизнь понравилась мне настолько, что сложно было даже представить, что всего этого я лишусь уже через какую-нибудь неделю-полторы. У меня появились новые друзья. Жанна была общей любимицей. Ее любили даже девчонки. Для всех она была кем-то особенным, эдакий символ лагеря. Как мне стало известно от местных, они при-

езжали сюда уже не первый год именно из-за нее. Первый отряд, традиции и вожатая Жанна — это уже легенда. Дискотеки до утра, ночные купания, прогулка на теплоходе, игра в карты, в «мафию» и на желания, поиски чего-нибудь съестного на огородах местных жителей в темное время суток, трехдневный поход с палатками, тир, пионербол по командам, настольная игра ноус, маленький теннис и турниры, и все это с участием персонала и вожатых! Конечно же, мне здесь нравилось, причем все больше и больше! Аппетиту и активному образу жизни способствовал климат — не было сильной жары, я ее не люблю.

Двадцать дней пролетели незаметно. Все это время мне было просто хорошо! И когда за нами приехали мои родители, с удивлением узнали, что и Славик и я остаемся на следующую смену. Ехать домой мы наотрез отказались. Все формальности были улажены, путевки оплачены. На пересменку и меня и Славу обещала забрать к себе Жанна. Их бурный роман продолжался еще две смены, деньги мы получали почтовым переводом и оставались в лагере до конца лета. Из Киева были только мы, остальные уезжали домой, а через три дня возвращались. И все начиналось заново. Можно себе представить, как мы сдружились!

Мы стали старше на год и приехали снова. И опять остались до конца летнего сезона. У Славы продолжался роман с Жанной. Приехали почти все те, кто был в прошлом году. Это место притягивало, и основную роль в этом играл коллектив. Лагерь «Вайвари» стал вторым домом. Лето — это маленькая жизнь.

Повторялось все, да не все. Смена началась. Но нас ждали перемены. Уже в первую неделю между Славой и Жанной стало происходить что-то странное. Они все время ссорились, и это отражалось на всех. А к середине смены за ней приехали родители и сообщили, что они уезжают в Германию навсегда. И тут началось! Она с ними ругалась, сказала, что никуда не поедет, бросать свою работу отказывалась. Но в конце концов уехала.

Смена кое-как закончилась, а на следующие уже наняли новую вожатую. Инга — девушка бессменного ди-джея Алексея, которая вовсе не хотела и не собиралась работать вожатой. Он ее буквально заставил. С отъездом Жанны изменилось все. Традиции остались в прошлом. Если обнаруживался ночной побег из корпуса, матрасы никто не забирал и не нужно было отжиматься для того, чтобы получить их обратно, как это было при Жанне. И хоть это было наказанием, парням нравилось, было в этом что-то от желания покрасоваться перед любимой вожатой. Ежедневный поход оказался под угрозой срыва, потому что Инга не желала шагать километры только для того, чтобы оказаться в лесу в палатке. Она любила комфорт, части которого и так лишилась на эти дни. Она не могла понять магии этого действа.

При Жанне похода все ждали, к нему готовились. Она шла впереди, задавала темп и никогда не уставала. Привал устраивала только один раз и только по многочисленным просьбам. Они с Валдисом были командой. Все у них было предусмотрено и все рассчитано. Тушенка, котелки, пила, посуда и другая походная утварь хранилась в лагере в специальном месте — в старом погребе. На завтрак, обед и ужин каждый должен был из лесу принести по кружке голубики. Вкус этого наваристого напитка из ягод и заварки я помню до сих пор. Лесное озеро, где только мы. Переплывать на другой берег запрещено. Кто рискнет, будет постигнут физруком. Так уже было. Он догнал нарушителя и долго его «топил», чтобы остальным неповадно было. Спиртное — да, оно было. Его пили с наступлением сумерек по палаткам. Тайное, которое было явным. Свобода под четким руководством. Три группы. Во главе каждой по одному взрослому. Кто в какой группе будет пить, решали еще днем между собой. А дальше игра. Общая. Называлась она «в спичку». Ее правила просты. Все садятся в круг по принципу: мальчик — девочка. И передают друг другу спичку ртом. Когда спичка проходит круг, от нее отламывается кусочек. И так до тех пор, пока она не затеряется, у какой-нибудь из пар. И снова одним выстрелом двух зайцев — все на месте, всё под контролем. Разбредаться по кустам и уходить из лагеря не было никаких причин.

Со временем все как-то нормализовалось, Инга привыкла к своим обязанностям. Вопрос о том, кем заменить Жанну, уже не стоял. В лагере появлялись новые люди и новая должность — сменный педагог (человек, который сможет заменить действующих вожатых в случае чего). Лика завела синего дога Гая. Он стал мне другом, мы с ним много гуляли. К сожалению, он заболел. В ветеринарной клинике ему помочь не смогли. Славик встречался с Терезой из своего отряда. Чем-то она была похожа на Жанну, но все-таки не она. Никто этого союза не принимал и не поддерживал. Изменился и сам отряд, дети в нем были уже на год-два младше. Не было такого количества влюбленных пар. Инге здорово помогал Леша. Он укладывал детей спать, он будил, он приводил отряд на зарядку и на завтрак. Теперь приходиться нужно было целым отрядом. С отъездом Жанны правила начали меняться. Точнее, обычные для лагеря правила вступили в силу. Осуществлялись проверки перед отбоем и в тихий час. Когда она уехала, некоторые у себя на тумбочке помимо общего фото обнаружили еще одно, на котором была только Жанна. Такой снимок ждал и меня. Она отлично на нем вышла. Это был ее нам подарок.

Закончилась очередная смена, последняя. Славик сразу же уехал. А меня Инга и Леша на неделю забрали к себе погостить. Рига уже была мне знакома как свои пять пальцев. Перед отъездом удалось со многими увидеться еще раз в центральном парке. Прощаясь, мы надеялись встретиться в следующем году, но этого не произошло. Лагерь, испокон веков являвшийся собственностью одного крупного рижского завода, вдруг был продан. Это стало печальной новостью. Но каждый распознал в этом и кое-что еще, пока трудноуловимое, необъяснимое, нечто сродни ликованию. И только со временем станет понятно, что это было. А было это понимание того, что некоторые вещи случаются лишь однажды. И если исчезает что-то главное, все остальное исчезает тоже. Нет Жанны, нет лагеря.

Ребята продолжали дружить и вне лагеря, так как жили в одном городе. Многие жили в одном дворе, районе, учились в одной школе, а позже и в одном университете. Мне было ужасно обидно, что я из другого города, другой страны, не с ними. Я до сих пор скучаю по тому месту, которое существует теперь лишь в нашей памяти.

Славик живет в Америке. Мы созваниваемся, переписываемся. Он тоже часто и тепло вспоминает то время. Жанна как-то приезжала к нему погостить, но не осталась.

Глава 3

День, когда мне стало ясно, что летом в очередной раз поехать в Юрмалу не получится, был не из радостных. Меня эта новость так огорчила, что не хотелось вообще ничего. Казалось, что других мест на свете не существует. И что теперь? Остаться в городе? Ехать куда-нибудь с родителями? Мама предложила другой лагерь, что само по себе казалось мне предательством по отношению ко всем, кто стал мне так дорог. Какие только доводы она мне не приводила! И что этот новый лагерь находится в потрясающем месте — в Крыму! И что там у меня появятся новые друзья! Представить себе такое было невозможно! Просто возмутительно! И слышать не хочу!

Время шло, все разъехались, и стало скучновато. Воспоминания о былых летних деньках то и дело накатывали и будоражили молодую кровь. Сердце печалилось и сладко ныло. И когда сидеть в городе мне совсем наскучило, пришлось согласиться. Обещая себе пребывать на новом месте в гордом одиночестве и предаваться воспоминаниям, предложение мамы было принято.

Мне пятнадцать. И мне одиноко среди людей. В нашей группе есть ребята и постарше. И с нами едет сопровождающая, которая сразу же мне не понравилась. Общаться не хочется, мои спутники еще успеют мне надоесть. Я еду не в то место, настроение плохое, делаю вид, что сплю. Потом меня и правда одолел сон. Проснувшись в темноте, вспоминаю, что я в поезде. Он мчит на полной скорости. Перебивая друг друга, стучат колеса, вагон поскрипывает. Я на верхней полке. За окном хоть глаз выколи. Хочется пройтись. В наших купе спят все, кроме сопровождающей. Провожает меня взглядом. Выхожу в тамбур. Там два парня, выпившие, курят, один в форме. Стою у противоположного окна, смотрю в темноту. Они ко мне, спросили, как звать, угостили сигаретой. Предлагают выпить за друга, за его дембель. Идем к ним в купе. Передо мной стакан водки. Нужна закуска. У них закончилась. Вспоминаю, у меня же есть бутерброды, мама собрала в дорогу. Отдам им. Пить не буду. Не успеваю я достать сверток, как меня хватят за руку наше контролирующее начало — Хивря. Так ее между собой зовут ребята. У нее волосы торчат во все стороны, как наэлектризованные. Насчет забавная, не знаю, не очень. Но из-за прически точно напоминает какое-то существо. И вот здесь что-то во мне взбунтовалось. Иду и выпиваю стакан залпом. Не закусываю. И до обеда сплю как младенец.

Мы в Феодосии. Нас должен забрать автобус, но его нет. Муж сопровождающей отправился на почту связываться с лагерем. Там сообщили, что автобус обломался в пути, нужно ждать. Пропал целый день. Прибыли мы на место уже к вечеру, около десяти. Как раз заканчивалась дискотека. Был объявлен заключительный медленный танец, затем тот же голос в рупоре сообщил об отбое. С вещами мы стоим перед каким-то старым продолговатым двухъярусным строением с окошками вдоль и шторками на них. Внутри темно. Неужели это жилое помещение?! Фонари освещают аллею и аккуратные цветочные клумбы. Все не так, как в моем любимом лагере! Наконец прибежала какая-то девушка в белой рубашке, синей юбке и голубой косыночке, завязанной в виде галстука! Она открыла ключом боковую дверь. Вместе с Хиврей они зашли в тесную коморку, где в кучу свалены знамена, плакаты, а на стенах все еще висят вымпелы. Господи, настоящий пионерский лагерь! Так мне и надо! Не поездка, а наказание. Это за то, что предаю дорогое мне.

Нас просят оставить вещи и заходить тех, чьи фамилии названы. Началось распределение. Заезд состоялся несколько дней назад, мы опоздали на два плюс еще сегодня, итого три дня. И хорошо! Вообще не приезжать бы! По этой причине поселить нас всех вместе как один отряд не выйдет. Есть свободные домики, но их на всех нас, скорее всего, не хватит. Назвали почти уже всех, моей фамилии не было. Хотя в списках я где-то чуть выше середины, на букву «К». Нас всего несколько человек. И вот на нас-то места и закончились.

— Ребятки, кто остался, подходите, — кричит из коморки всем начальникам начальник и мочалок командир, — придется разбить вас по отрядам. В корпусе будете. А что делать...

Это ее месть за ночное происшествие. Потому что фамилии тех, кто остался, и правда, в конце списка. Девушка в белой рубашке с оранжевым карандашом в руке периодически чешет им за ухом, а затем, перелистывая и изучая какую-то толстенную тетрадь с записями, ведет по странице сверху вниз.

— Значит, свободно три места в двенадцатом отряде совсем с малышами, но зато отдельная комната, девчонки, пойдете?

Надя, Оля и Леська переглянулись, а затем закивали головами. А почему нет?

— Так, вас двое осталось, — карандаш в воздухе выводит знак бесконечности и устремляется в записи. — Пятый отряд, к Наташе! Других вариантов нет. Там по одной кровати и оставалось. Как раз. Мы же здесь все равно все вместе, с ребятами днем будете видаться.

Я молчу, а что тут скажешь. Долговязая и тощая девчонка рядом со мной тоже молчит, причем все время. Может, немая. Как же ее, Ира, кажется. Нет, не Ира, Инна.

Мы берем свои вещи и следуем за провожатой. Хивря ушла восвояси. Девушка привела нас в четырехэтажное здание, оно одно такое на территории. Поднимаемся по лестнице. Девчонкам на второй, нам дальше. На последнем этаже сразу у входа дверь. Лагерная приемщица распахивает ее, и мы видим картину — на стуле посередине комнаты на коленях у какого-то парня сидит Наташа, и между ними происходит нечто страстное. О том, что это она, по всей видимости, наша вожатая, мы поняли, когда та, что была с нами, выкрикнула ее имя. Даже мы испугались. Мы шли по коридору в ту сторону, куда без слов рукой указала Наташа, продолжая заниматься с молодым человеком тем, чем занималась.

Моя кровать у окна. С остальных пяти на меня с любопытством глазят дети. Минута молчания, затем посыпались вопросы. Ногой я задвигаю свою сумку под кровать и сижу с отрешенным видом, не удостоив их ни единым словом. И что делать? Не ложиться же спать в такое время! Завтра пойду на разведку, может, и придумаю что. В крайнем случае договорюсь с нашей вожатой, похоже, это будет несложно. Отсюда нужно бежать. Корпус еще и закрывается на ночь. Завтра же поговорю с Наташей, с самого утра! Уж она-то меня поймет.

Да, здесь не те люди, это чувствуется сразу. Как же важен коллектив, дружный, сплоченный. А ведь все могло быть иначе, если бы Жанна не уехала и если бы лагерь не продали. Что со мной творилось бы, как билось бы мое сердце, очутись я сейчас перед домиком нашего любимого первого отряда! Обидно до слез. Спать в первую же ночь, такого еще не бывало! Ребята сейчас наверняка отмечают приезд. Малышня успела рассказать мне обо всем на свете: и о распорядке дня, и о кефире, который сейчас должны принести. «Благоприятный день» для меня во всех отношениях. Ничего не поделаешь, надо ложиться. Это был бы самый скучный вечер в моей жизни, если бы не то, что произошло дальше. Дверь в комнату отворилась и на пороге появилась она!

Глава 4

Когда я вспоминаю этот момент, мое сердце начинает колотиться точно так же, как и тогда. Ее зовут Лена. Она тоже вожатая пятого отряда. На тумбочку у двери Лена поставила поднос с кефиром. Мои глаза встретились с ее, и я не могу от них оторваться. Они, как море, синие, и в них легко утонуть. В это время дети несутся разбирать стаканы. Я стою не шевелясь. Она смотрит ласково и немного с удивлением. Она еще ничего не произнесла, а я уже знаю, что люблю ее, без ума от нее!

Высокая, стройная, длинные светлые волосы распущены, цветы на халате под цвет глаз, красивые запястья и тонкие пальцы, как у пианистки, красивая, добрая с мягким, бархатным голосом. И имя прекрасное — Елена.

— А у нас пополнение? Странно, меня никто не предупредил. Тогда я возьму журнал и вернусь? Ладно? Кефира хватит на всех, с добавкой. Вот, бери, — она протягивает мне стакан и выходит из комнаты. Я стою и не могу произнести ни слова. И только молюсь, чтобы она поскорее вернулась, я так хочу увидеть ее снова.

Позвали мою спутницу Инну. Елена присела на край моей кровати и записывает наши данные. Дети рассеялись по своим местам. Лена задает вопросы, я отвечаю, и не узнаю своего голоса, кажется, что все это сон. Я говорю ей, что неплохо плаваю и немного играю на гитаре. Она улыбается и говорит, что я ценный для отряда человек. Ее чистый взор снова обращен ко мне, и все летит к черту. Каким смирением проникаюсь я, и моя недавняя угрюмость улечивается молниеносно. Мне трудно дышать. Со всем моим тайным я становлюсь открытой книгой, по крайней мере, мне так кажется. Усилием воли я отвожу взгляд и смотрю в сторону, потому что боюсь, что стук моего сердца слышен всем в этой комнате и ей тоже. Весь ее образ — воплощение такого всеобъемлющего смысла, что всякое слово становится бессмыслицей, и я молча наблюдаю, как она говорит с Инной, наслаждаясь ее присутствием.

— Так, а почему еще не закрыты глаза? И еще не у всех закрыты, я жду, — дети хихикают, она им нравится. Лена желает всем спокойной ночи, выключает свет, и они с Инной выходят в коридор.

Я быстро раздеваюсь и запрыгиваю в кровать. Сердце мое все еще колотится. Я прокручиваю в голове все сказанное Лене, нехорошо было хвастаться своими умениями. Но тем самым мне удалось привлечь ее внимание, хоть как-то, хоть ненадолго. И она улыбнулась мне. Значит, все было правильно. Какая же красивая у нее улыбка!

Как быстро все может измениться, в мгновение ока. Теперь день моего прибытия в этот лагерь кажется мне самым счастливым днем в жизни! А еще недавно, до появления Елены, все было наоборот. Я лежу в кровати и не могу уснуть от счастья. Эта встреча перевернула все с ног на голову. Меня уже все устраивает, я уже ни с кем, ни о чем не собираюсь договариваться и желаю лишь одного — видеть ее. Я хочу быть в этом отряде и только в нем. При встрече я расцелую Хиврю, ведь если бы не она... Никогда еще со мной такого не было, никто еще не производил на меня такого сильного впечатления. Ни разу еще мне не доводилось утонуть в чьих-то глазах вот так сразу, безропотно и бесповоротно. Изменился весь мир, и изменилось что-то во мне. Еще совсем недавно, каких-нибудь полчаса назад, до ее появления в этой комнате, у меня были какие-то желания, мысли, потребности, но стоило ей войти, как все превратилось в одно единственное желание, мысль и потребность — мне нужна она одна на всем белом свете. О чем я мечтаю? О ней, о том, чтобы меня разбудил ее дивный голос, о том, чтобы провести с ней день, о том, чтобы не расставаться ни на минуту. И этот жар внутри, я все еще чувствую его. А ведь вечера в Крыму прохладные... Теперь так будет все время?

Мечты сбываются, и утром я слышу ее голос.

— Подъем. Доброе утро. Просыпаемся. — Лена очень быстро прошлась по комнатам, заглянув в каждую.

Она оставила дверь открытой, и ее голос еще три раза донесся из коридора. Слово «подъем» никогда меня не радовало, да еще и летом в такую рань! Но не в этот раз. Ведь оно было произнесено ею. И я снова боюсь пошевелиться, потому что мне все еще кажется, что это сон, до сих пор. Малышня довольно бодро и быстро перемещается по комнате. Нужно надеть на себя спортивную форму и строиться в коридоре. Умываться потом. Меня это ужас как возмутило бы, отдых на то и отдых, чтобы делать, что хочешь и когда хочешь, но Лена идет с нами, и я покорно роюсь в сумке в поисках шорт. Надеваю их очень быстро. Уснуть мне удалось только под утро. Выхожу в коридор, идти стараюсь бодро, но выходит не очень. А там Лена. Ее белая футболка, словно свет в конце темного коридора. Господи, как радостно мне ее видеть! Я буду ходить строем, делать зарядку, обливаться холодной водой, я буду делать все, что она скажет! Лишь бы видеть ее!

Теперь я могу разглядеть территорию. Она небольшая. Зарядка проходит на площадке с флагштоком. Туда сбросились отряды и под музыку из радиорубки выполняют упражнения. Лена сидит поодаль на лавочке. Перед ней мне как-то неудобно стоять в строю и повторять все эти дурацкие движения, как в первом классе. Чувствую, что стесняюсь ее во всем. А Лена и не заставляет меня их делать. Из наших здесь только я и моя соседка. Девчонки из корпуса не выходили. Спят еще, наверное.

Не зарядка, а очередная формальность. Правила, правила. По возвращении в корпус наконец-то можно умыться. Но перед этим следует застелить постель, причем каким-то идиотским способом, так как покрывало намного шире кровати и его нужно складывать вдвое. А подушка должна стоять треугольником. Еще будет и проверка. Как же разительно отличаются два места, лагерь в Юрмале и этот! И только присутствие Лены сглаживает все эти острые углы.

Перед завтраком мы встретились с ребятами из нашей группы и сразу же обменялись впечатлениями. Они были всем довольны, уже успели побывать в соседнем пансионате, там есть кое-какие значные места. Вчера они таки хорошенько отметили приезд и заселение. А сегодня приглашали сделать это уже всем вместе. И мы скинулись на вино.

В столовой я стараюсь сесть так, чтобы видеть Лену. Ее стол через три от меня. Она сидит спиной к окну. Сидит мало, чаще ходит между рядами, проверяет, у всех ли все есть. Наташа себя такими заботами не утруждает. Принимать пищу перед Леной я стесняюсь и ем быстро, когда она не видит. А она уже в который раз проходит мимо нашего стола. Предложила добавку. Отказываюсь. Мне бы эту свою тарелку каши доест. Здесь климат другой, не прибалтийский, жара с самого утра. Для завтрака слишком рано. Хочется только пить. Наконец в моей тарелке показалось дно. Сама Лена приступила к завтраку только тогда, когда в столовой почти никого не осталось. За столом с ней сидит вожатая еще одного отряда на нашем этаже, живет с Леной в комнате, Ира. Хмурая такая, брови сдвинуты, и все время напряжена. Ничего общего с Леной. Цвет волос темный и короткая стрижка.

На завтрак нужно было прийти уже с купальными принадлежностями — плавками, купальниками, полотенцами. И правда, мы же на море! Осознание этого пришло ко мне только сейчас.

Море рядом с лагерем, сразу за оградой. У каждого отряда своя территория. На воде плавают флажки, места, как в лягушатнике, мало, дальше заплывать нельзя. Имеется навес в виде бетонной конструкции, под которым можно укрыться от солнца. Под ним я и располагаюсь. Лена уже в купальнике у воды. Отряд несется к ней и после пересчета по свистку вбегает в море. Сама она стоит на берегу, следит за купающимися. Я могу наблюдать за ней, она не видит. У Лены стройная фигура. Она самая красивая на этом побережье, да и во всем мире! Ее подруга по комнате расстелила покрывало, успела позагорать и готова купать своих. Один

отряд из воды вышел, другой вошел. Лена ходит по пляжу, пересчитывает детей еще раз и только после этого отправляется плавать сама.

Мне или кажется, или я действительно вижу, как по ее коже стекают капли воды, каждую в отдельности. Загорает она недолго. Дети уже требуют следующий заход. Лена говорит, что еще рано, пойдут через пятнадцать минут. По пляжу шагает еще один отряд, по всей видимости, двенадцатый, потому что с ними наши девчонки. Они уже подружились со своей вожакой, она у них низенькая, загорелая и симпатичная, спортивного телосложения, в тельняшке. Зовут Светлана. Девчонки машут мне, зовут. В это время ко мне подходит Лена и спрашивает, почему не раздеваюсь. Не скажу же я ей, что стесняюсь! Тогда она говорит, что я могу идти к своим, без проблем. Она ничего не имеет против. Я и впредь могу проводить время со своей группой. Я благодарю ее и нехотя ухожу. К счастью, отряд Светланы совсем недалеко от нашего пятого. Я с ними, но я с ней.

Глава 5

Скоро обед, и я снова окажусь возле Лены. Жду не дождусь. На время тихого часа Надя предлагает снова пойти на пляж. Мне не верится, но, предпочитая стены из известняка и комнату с шестью кроватями морю, я от ее предложения вежливо отказываюсь. Говорю, что не люблю быть долго на солнце. Оля со мной согласна, и тогда вместо пляжа предлагает прогуляться по набережной, зайти в кафе. Мне уже не отвертеться. Но перед тем как уйти, я стою в коридоре до тех пор, пока Лена не выйдет из своей комнаты.

— Ты ко мне?

— Да, — говорю еле дыша, — можно я отлучусь на тихий час?

— Можно. И можешь в следующий раз не спрашивать.

— Спасибо, — отвечаю, пытаясь скрыть свое разочарование таким ответом. Отпускает меня. Придется уйти.

— Вы на пляж? — оборачивается.

— Нет, по набережной прогуляться, — с надеждой, что остановит, говорю я.

— Хорошо, — и Лена заходит как раз в нашу комнату. А я плетусь по коридору к лестнице. Зачем я это все?.. Секунду назад виделись, а я уже по ней скучаю. Хочется вернуться. Но что я скажу?..

Мы гуляем по набережной. Жарко. Зашли в кафе утолить жажду. Мне хочется обратно в лагерь. Но разговор о том, что вожатые здесь все из Минска, и что это их педагогическая практика, привлекает мое внимание. Лена из Минска! Пятый курс университета, выпуск. Практика. Лена сдаст на отлично, а вот Наташа... не знаю. Зашли на базар, купили арбуз. А я хочу отнести его ей. Может, купить еще один? С некоторых пор мысли мои работают только в одном направлении. Все, чего я хочу, мне теперь хочется только для нее. Если я принесу ей арбуз, что Лена скажет, что подумает?.. Мы еще мало знакомы. Разговаривали только три раза. Я веду подсчет. Но мне кажется, что я знаю ее всю жизнь!

Оля, Надя и Леська показывают мне свою комнату. Они неплохо устроились. На арбуз заглянула Светлана. Они договариваются о сегодняшнем вечере и приглашают ее. Сегодня Света не сможет, дежурит, может, в следующий раз. Выйти из корпуса не проблема, она даст ключи. Очень надеюсь, что Лена меня не отпустит, не даст ключей, я никуда не пойду и останусь в отряде, а перед сном она зайдет и пожелает мне спокойной ночи. Мы отсутствовали около двух часов, а мне уже хотелось бежать к ней. Если это будет целая ночь, боюсь, что полезу к ней на балкон прямо по кипарису.

Вечер. Вино куплено. По программе на летней площадке какое-то культурное мероприятие. Все идут. Даже наши. Садятся сзади. Зовут меня. Но как?! Лена сидит прямо передо мной! А потому я не сдвинулся с места. Остаюсь с отрядом и без вина. Но это ничего.

Домик, от сигаретного дыма полумрак в комнате, вина купили еще, разлито по пластиковым стаканчикам. Глупые разговоры, анекдоты. Время тянется медленно, никто никуда не спешит, никому никуда не надо. Стемнело. С нами старший сын директора лагеря Рустем и Ванька из Феодосии. Две тумбочки сдвинуты и служат столом. Карты разбросаны. Даже играть лень. Наташа тоже здесь. Сегодня она пьяна. Она ни при чем, такое вино. Какие именно чувства во мне вызывает ее присутствие, я пока не знаю. Она симпатичная и даже красивая. Но это другая красота, совсем не такая, как у Лены. И ассоциация у меня всего одна — с Леной. Наташа ее напарница и учится с ней в одном вузе. Лена на месте и выполняет свои обязанности, а Наташа здесь, развлекается и не помогает ей. Это плохо. А в остальном все нормально.

Скоро закроют корпус, пора возвращаться. Вино и правда пьяное. А чего еще ожидать от жидкости в пластиковой бутылке, принесенной Рустемом? По телу разлилось тепло, превра-

щающееся в еще большую лень. Но заставляю себя подняться, прощаюсь, говорю, что у нас там, в корпусе, все строго, с вожатой договориться пока не получилось.

— Вожатая кто? Да вот же она, сидит напротив! Натаха, скажи!

— Что? — она отрывается от своего любимого занятия — от поцелуя с тем самым парнем, которого мы видели в первый вечер. — Я? Точно! Я же вожатая! — все смеются, а она тянет меня за руку. Волосы скрывают ее лицо. — Не волнуйся, я тебе разрешаю. Считай, обо всем уже договорились.

— Рустем, вина еще достанешь? Девчонки, вы как? — внес предложение Володька из наших.

— Нам уже, наверное, хватит. Что-то как-то... — не желает больше пить Ольга. Но ни Надя, ни Леська ее в этом не поддерживают. А Наташа двумя руками «за». Решено.

— Да нормально все. Душно здесь. А идемте на пляж? — внес кто-то еще одно предложение.

— Понял. Я за вином. Встречаемся на набережной, — выскочил из комнаты Рустем.

На набережной жизнь кипит. Это у нас в лагере темно и тихо. А здесь люди, огни, музыка. В Юрмале не было набережной. Даже и не знаю, хорошо это или плохо. Теперь уже больше похоже на летний отдых. Мы садимся у воды. Рустем не заставил себя долго ждать. Наконец-то я окунусь в морскую воду, почувствую ее вечернюю прохладу, обниму это место, поцелую море, в котором купалась Лена. Во всем лишь она. Даже в море. Раздеваюсь, ныряю с головой.

Вставать было сложно. Спали все вместе, скопом. Затекали руки, ноги. Волосы торчат в разные стороны и никак не хотят укладываться. Жара с самого утра. Или уже не утро... Мы проспали завтрак! Который, вообще, час?!

Наш этаж закрыт. В коридоре пусто. Все на пляже. И она. Собираюсь идти, но не иду, а бегу. Вот же она, Лена! Я замечаю ее сразу же, еще издали. Кажется, я умру от счастья, я снова вижу ее! Будто за эту ночь она стала еще красивее. Так и есть. А вот я... Она не может не заметить моей помятости. Видок у меня тот еще... Машет мне рукой. У меня останавливается сердце. Подхожу. Лена приглашает меня сесть рядом на подстилку. Понимаю это по движению ее руки. Ее напарница возле воды, у них как раз купание. Сажусь на песок.

— Есть же место, — удивляется Лена, но я не шевелюсь. — Все нормально? — спрашивает.

— Все хорошо, — отвечаю.

— Может, с нами? — отряд уже на старте.

— Я пока не хочу.

— Ну, как хочешь.

Они с напарницей меняются местами, теперь у воды Лена. А я ненавижу себя за то, что говорю совершенно не так и не то. И делаю тоже не то. Я хочу остаться рядом с ней, но вместо этого ухожу. Девчонки перебрались в тень. Не спит только Ольга. Впереди еще целый день, присоединяюсь к спящим под навесом Наде и Леське.

Мне снится что-то очень приятное, кажется, Лена. С тех пор как появилась на пороге комнаты, она заполнила собою все пространство во мне и вокруг, стала моим миром! Я все время это чувствую, даже во сне.

Глава 6

Мне хочется заговорить с Леной, но я не знаю, как, о чем? Что я ей скажу? Но мне очень нужно! В течение дня она общается с нами, вечером желает спокойной ночи, будит по утрам, но это относится ко всем. А я хочу, чтобы только ко мне. У меня уже даже были заготовлены фразы, но как только наступает подходящий момент, из головы тут же все вылетает. Разве можно к ней с такими пустяками? Лена редко бывает одна. Почти никогда. Она то со своей подругой — той второй вожатой, то с детьми. К ней то и дело кто-нибудь подходит, что-нибудь спрашивает, о чем-то просит. Заметив как-то меня у столовой, Лена спросила, не ее ли я жду. Конечно, ее! Я делаю так все время. Стараюсь задержаться, пока не уйдут наши. И потом сижу возле столовой на лавочке, жду Лену. Это то самое строение с коморкой, в котором происходило распределение в день приезда. А меня ждать повадилась Надя. Но это ничего. Так даже лучше. Это моя маскировка. Лена думает, что мы так, сами по себе гуляем. Правда, Наде не сидится на месте, она то и дело куда-нибудь меня тащит. Лена видит нас и проходит мимо. А я уже не слышу, о чем мне говорит Надя, ничего не слышу и не понимаю. И хочу только одного — следовать за Леной. И хочу, чтобы она знала — я здесь ради нее, это ее я жду!

Сегодня после ужина намечается восхождение на гору, которая находится сразу же за территорией нашего лагеря, невысокая и лысая. Это идея Лены. Она сама придумала это для сплочения коллектива и получила на то разрешение руководства. В столовой нам выдали хлеб и картошку. Будет костер. Отряд ее подруги с нами. Надя тоже уже в курсе. И мне это не на руку. Она прилипла ко мне как банный лист. Если пойдет и она, снова будет отвлекать меня от Лены, а мне бы этого не хотелось. Я хочу быть со своим отрядом и с Леной, и все! Лена спросила, пойду ли я. Конечно же, я пойду! Но зачем-то делаю вид, что мне это не особо интересно. Лена сказала, что надо тепло одеться. У меня есть свитер, где-то в сумке. Бегу за ним в корпус.

Отблеск костра на ее лице, всегда таком красивом. Самое красивое лицо в мире! Дети от Лены не отходят. Обступили со всех сторон, сейчас подерутся за место рядом с ней. Она одинаково внимательна к каждому. К ней выстроилась целая очередь, Лена выдает по две картофелины и по четыре куска хлеба. Кто-нибудь периодически заслоняет ее от меня. Ее подруга и вожатая Ирка не отлынивает, помогает Лене, такая же ответственная. Но делает она это без всякого удовольствия. Дети это чувствуют, но у них нет выбора. Им приходится принимать того, кого им назначила судьба. Им — Ирку, мне — Лену. Повезло! Наташа с нами не пошла.

Весь вечер держусь от Лены на расстоянии, не подхожу к ней, но не свожу с нее глаз. Смотрю на нее все время, но так, чтобы она этого не заметила. Постоянная забота о других делает ее еще привлекательнее. Как же мне повезло попасть к ней в отряд! Что было бы, попади я к этой ее подруге. Был бы бунт на корабле. Но такого со мной произойти не могло. Встреча эта не случайна. Все вышло так, как и должно. У меня лучшая вожатая на всем белом свете! Если кто и был здесь на своем месте, так это Лена.

Лена заметила, что я сижу в сторонке, держусь особняком. Она обратилась ко мне, но уже с беспокойством в голосе. Пришлось убеждать ее, что со мной все хорошо, что я в полном порядке, ничего не болит и настроение тоже отличное. Да, по мне действительно не скажешь. Думаю, со стороны все выглядело совершенно иначе. Но тогда меня это не заботило, мне было важно только то, что происходит у меня внутри. А внутри у меня происходило нечто совершенно для меня новое и удивительное, ни на что не похожее и ни с чем несравнимое, не поддающееся описанию. Это, безусловно, нечто приятное, но в то же самое время вызывающее грусть, томление. Мне хотелось что-то сказать, что-то сделать, но я не понимаю, что именно и как. Если все-таки как-нибудь обозначить это мое состояние словами, то приблизительный их смысл был бы таким — за нее отдам все на свете, не колеблясь ни секунды. Все что угодно! Если нужно то и жизнь! Отличный способ проверить свои чувства — задать себе только один

этот вопрос и дать на него только один ответ, честный. Все сразу же станет на свои места. Дать такой же ответ в связи с другими людьми у меня вряд ли получится.

Лене жертвы не требовались. Наоборот, находиться рядом с ней было безопасно. Она человек, который не нарушает правил, если за что-то берется, то делает это достойно, качественно, с полной отдачей. Не все родители уделяют своим чадам столько же времени, внимания и заботы.

Дети от похода в восторге. Мне тоже очень понравилось, потому что в этот вечер случилось то, что обнаружило мои чувства. Это произошло случайно. Лена заметила мой взгляд. Она уловила его. Это был момент, мгновение, которое длилось целую вечность. Секунды, в которых уместилась вся моя жизнь, все слова, мысли, чувства. Она заметила и сразу же все поняла.

Мы возвращаемся обратно. Лена держит за руку одну маленькую девочку из отряда своей подружки Ирки. У ребенка не получилось поджарить хлеб, кусочек соскочил с ветки, которую она протянула, и упал в костер. Она расстроилась. На помощь ей пришла Лена. Они вместе поджарили хлеб. С тех пор девчушка от нее не отходит. Похоже, Лене придется укладывать ее спать. А у меня снова не вышло заговорить с ней. Мои желания совпадают с желаниями этой маленькой девочки. Меня точно так же тянет к Лене, мне хочется, чтобы она держала меня за руку, и мне хочется, чтобы она уложила меня в постель. Мне дана свобода, которой я не желаю пользоваться. Я не собираюсь покидать корпус на ночь, в моих планах вернуться вместе со всеми и лечь спать в десять, потому что она обязательно заглянет к нам. А мне просто необходимо сегодня находиться на месте. После того, что было на горе, мне нужно заглянуть в эти глаза еще раз. Что я ожидаю в них увидеть? Не знаю. Быть может, хочу убедиться, что все нормально, как раньше. А может, хочу узнать, что теперь и что же дальше.

То, что Елена приняла за грусть, было иным. Такое всегда происходит с влюбленными людьми. Тогда мне об этом еще не было известно. Неужели так бывает? Стоило мне увидеть Лену, и все изменилось раз и навсегда. Это странное, непривычное чувство, но от него не хочется избавляться. Оно и мучительное и сладкое одновременно. Жар, который не проходит. Состояние измененного сознания, которое кажется единственно возможным. Второе рождение, пробуждение. Я даже уже не помню, как было до того. Как мне вообще жилось раньше? Неужели меня могло что-то интересовать или радовать без Лены, когда мы с ней еще не были знакомы?! Разве могло в этом мире быть что-то еще?! Невероятно!

Если Лена правила соблюдала, то со мной дело обстояло иначе. Все у меня было против правил. Такой бунтарский дух присущ всем в моем возрасте. Просто одни это выражают, другие нет. Я из числа первых. Баба Яга против, как говорится. Весь взрослый мир — враги. Родители, учителя в школе, сопровождающие в лагере. Все они словно сговорились. Сплошные «нельзя» и «надо». Почему нельзя, кому надо, зачем надо?.. Лагерь в Юрмале служил тем местом, где можно было выпустить пар. Этого лагеря уже нет, есть другой — сплошные правила. И вот незадача — нарушать их я не желаю! Причиной тому Лена. Мне же не хочется, чтобы у нее были неприятности! Но еще я не хочу показаться занудой! Мне приходилось заставлять себя сделать одну-две затяжки только для того, чтобы Лена не заскучала от моего послушания. Она уже видела эти мои выходки ранее и ничего не сказала. Лена не делала мне замечаний, не читала нотаций, уважала мои интересы, доверяла мне и предоставляла свободу, в отличие от остальных. Мне же хотелось оставаться в полном ее распоряжении и власти. Потуги казаться хуже, чем я есть на самом деле, выглядели смешно. Но мне казалось, что это делает меня старше, взрослее.

Этим вечером Лена к нам в комнату забежала лишь на секунду, выключить свет.

Глава 7

Сегодня нужно пройти рубеж, пересилить свое стеснение и заговорить с ней, установить связь. Но действовать нужно наверняка. От одной только мысли об этом меня охватывает сильнейшее волнение. Сегодня утром Лена была со мной ласкова, впрочем, как всегда и со всеми. Ничего не изменилось. Мне очень нравится просыпаться от ее голоса. Она будит нас по утрам и задает настроение на весь день. Лена встает рано и каждый раз видит меня в этом еще сонном, неуклюжем состоянии. Мне никак не удастся проснуться раньше нее. Да, я люблю поспать, люблю еще и поваляться, но это дома. А здесь, в этом лагере, не до того. Вот и сегодня еле поднимаюсь с кровати. Оказавшись вчера в постели в десять, мне не спалось до самого утра. В моей голове роились мысли, одна сменяла другую. Мне хотелось прокрутить минувший вечер, вспомнить каждую его деталь и подумать о дне завтрашнем. И если в воображении мне все виделось довольно просто и радужно, то на деле все оказывалось совершенно иначе. Каждый раз при виде Лены со мной что-то происходит, вся смелость тут же исчезает, а на смену приходит одно сплошное стеснение и неловкость. Это началось с самого начала, с самого первого дня нашего знакомства. У меня даже смотреть на Лену получается через раз. И с этим нужно что-то делать. Сколько в общей сложности часов мне довелось спать, я не знаю, но судя по моему состоянию, совсем мало.

Днем ничего предпринять так и не получилось, а вот вечером наш отряд ожидала очередная вылазка. Каким-то образом Лену удалось уговорить на несанкционированное мероприятие — поход на пирс при условии, что купаться смогут только старшие. Отряд Ирки, конечно же, с нами. Я снова отменяю все свои гульки и иду с Леной и отрядом. Меня тянет к ней словно магнитом. Я не могу уже находиться где-нибудь еще без нее. Выбор провести ли время с Леной или пойти гулять с нашими для меня очевиден. И это пугает. Я себя не узнаю. Потому что совсем недавно, в Юрмале, все было наоборот.

Долговязая и молчаливая Инна всюду ходит с отрядом. Но с ней все понятно. Девчонки с ней не общаются, с собой не зовут. Парни тоже. Списана со счетов. Вот она и осталась при Лене. Нужно заметить, очень некстати. В отряде она тоже ни с кем не подружилась. От нечего делать она взглядом следит за каждым моим шагом. По крайней мере, у меня создалось такое впечатление. Она мешает мне. Если никто ничего не замечал, даже Лена, то эта Инка, кажется, уже уловила мои предпочтения и не спускала с меня глаз. А тут еще и Надя. Она снова пыталась помешать мне провести время с Леной. Про поход на пирс она пока не знает. И я вру, обещая заглянуть к ним через час. Сочинять что-либо вошло в привычку, но фантазия уже исчерпала себя. К счастью, эта вылазка тайная, и мы покидаем лагерь в полной секретности и тишине.

Мы на пирсе. Лену снова атакуют дети из отряда Ирки. Из нашего тоже. Пытаются получить разрешение купаться. Море беспокойное, и купание отменяется категорически и для всех, даже для старших. Но Лена не спешит уходить. Она присела на край пирса и смотрит, как внизу о бетон разбиваются волны. Я предлагаю ей свой свитер. Она благодарит, но отказывается. И заставляет меня его надеть. Я остаюсь возле нее. В этот вечер Лена задумчива. Мне так нравится быть здесь с ней. Я уже не представляю жизни без нее, а разве она существует? Стемнело. Пора возвращаться в лагерь. Построились парами. Все на месте. Во главе Ирка. Лена замыкает шествие. У меня пары нет, и я стою возле Лены. Она не против.

— Идем? — обращается она только ко мне, потому что мы чуть отстали и никого нет рядом!

В ответ киваю и стараюсь идти с ней в ногу.

— Можно спросить? — совершенно неожиданно для меня слышу свой голос!

— Спрашивай, — в ее интонации проскакивают веселые нотки.

Набираю в легкие больше воздуха.

— А у вас случайно в Риге нет сестры? — выдыхаю.

— Есть, двоюродная. А почему ты спрашиваешь? — добродушно и даже с любопытством ждет моего ответа Лена.

В голове моей хаотично проносятся возможные варианты. Первая мысль, которая приходит мне в голову, ничего глупее нельзя было и придумать! Чего вдруг мой язык произнес то, что произнес? В моем сценарии этого не было. Но что случилось, то случилось, а главное, сработало! И теперь мне нужно что-то ответить.

— У меня в лагере была вожатая, Жанна. Она из Риги и очень на вас похожа.

— Нет, мою сестру зовут иначе, но живет она как раз в Риге. А вообще, у нас же там все близко, граница. У многих там родственники. Что-то мы отстали, давай догонять остальных.

Начало было положено! Наконец-то у меня получилось! С этого момента я смогу обращаться к Лене с какими-нибудь лично своими словами. Минск. Название этого города стало актуальным только здесь и сейчас. Мои представления о наших географических соседях, границах и расстояниях были довольно скудны. Где этот Минск, я не имею ни малейшего понятия. Ясно, что это не Африка, а намного ближе. И какой он, Минск? Мне никогда не доводилось бывать в этом городе. Но все сложилось для меня крайне удачно. Вопрос мой прозвучал прямо-таки органично. И если раньше никакой связи между Ригой и Минском для меня не существовало, то теперь она появилась, причем самая прямая. Позже, уже лежа в кровати, мне стало ясно, что Лена и Жанна действительно во многом схожи. Обе высокие, стройные, красивые, голубоглазые, светловолосые, обе вожатые. Жанна неотъемлемая часть того лагеря, того места, а Лена этого. У них много общего, только все равно Лена совершенно другая. У нее другой характер. Она мягче и деликатнее, не так амбициозна. Она не выпячивает свою красоту, наоборот, будто стесняется ее. Все это делает ее еще красивее, еще привлекательнее. Хотя куда уж больше! Жанна мне определенно нравилась, она нравилась всем, а Лена влюбила в себя с первого взгляда. При виде нее со мной произошло то же, что и со Славиком при виде Жанны. Вот откуда в моей голове взялся этот вопрос про сестру и Ригу? Паутина подсознания.

Контакт установлен, и на следующий день на пляже я иду прямо к ней. Сегодня я не сдвинусь с места, кто бы и куда бы меня ни звал. Лена не спрашивает, почему я не иду к своим. У меня все на лице написано. Лена уже несколько раз указала мне на подстилку, но я снова сижу на песке.

— Купаться пойдем?

Ее вопрос застал меня врасплох. Ее глаза... ответить ей можно только утвердительно. Я долго смотрю в них и только потом киваю. Мне хочется выглядеть старше и самостоятельнее, но вот я иду купаться с отрядом в лягушатнике и захожу в воду по свистку.

Лена загорает. До следующего купания у меня есть около получаса. Жара стоит невыносимая, вода в море теплая и уже не бодрит. Чего бы мне сейчас хотелось? Чего-нибудь действительно холодного. Пить! Пока Лена лежит с закрытыми глазами, я спешу в сторону ларьков и базара. Песок словно раскаленные угли, нужно вернуться за тапочками.

Она не видит меня, лежа на боку ко мне спиной, разговаривает со своей Ирккой. Ну и пусть. Подхожу. Лена все еще меня не видит, ставлю перед ней фруктовый напиток со льдом. Какой он на вкус не знаю, но выглядит очень холодным и красивым. Мне даже все равно видит это кто-нибудь или нет. Лена обернулась. Ирка оставляет нас и идет купать своих. Я снова могу беспрепятственно смотреть в ее глаза, не таясь.

— Что это? — светит солнце и Лена щурится.

— Полагаю, фрукты со льдом. Похоже на то.

— Это я и сама вижу. Вот, возьми, пожалуйста.

— Нет, это вам.

— Так, не выдумывай. Иди сюда, садись и пей.

— Татарская женщина делала, зная, что это для вас. Поэтому, если выпью я, мне на пользу не пойдет. Пить должен тот, кому предназначено, — говоря это, мне пришлось убежать от Лены, чтобы напиток остался у нее.

С пляжа мы возвращаемся вместе. Молча иду рядом.

— Не делай так больше, ладно?

— Было невкусно?

— Было вкусно, я не об этом. Так мы договорились?

— Договорились.

— Вот и славненько.

Лена берет меня за руку и отпускает ее только перед лазом в заборе, через который мы сегодня возвращаемся в лагерь.

Глава 8

Мои друзья решили поговорить с Леной, попросить ее отпускать меня и на тихий час, и по вечерам. Они были еще не в курсе, что дело не в ней. То есть, нет, дело как раз в Лене, определенно в ней, но не в этом смысле. Они еще не знали, что это мое собственное желание, это я не желаю отходить от нее ни на шаг. Мне уже пришлось пару раз соврать и сказать, что она меня не пускает, и таким образом остаться в корпусе.

Когда к ней на переговоры пришла Надя, Лена весьма удивилась. Она собиралась подослать к Лене свою вожатую, Светлану, чтобы та отпросила меня. К счастью, этого не произошло, и Надя пожаловала сама. Они разговорились и познакомились. Только этого мне не хватало!

Больше всего я боюсь Лене надоест. Если я и дальше буду ходить за ней по пятам, она перестанет различать меня среди остальных. Но все равно гулять с нашими я не пойду, найду себе занятие поинтереснее. Например, я могу пройтись по округе, найти какое-нибудь укромное местечко и какой-то отрезок времени провести там. Пока не знаю, сколько я выдержу, чтобы не сорваться и не прибежать обратно в лагерь. Но посмотрим.

Такое место нашлось в пятнадцати минутах ходьбы за территорию. И это не набережная, не биостанция и не лисья бухта. В планах у меня было пробраться через виноградники и взобраться на гору, которая возвышается над поселком. Оттуда наверняка виден наш лагерь, он предстанет передо мной в миниатюре. И я смогу вообразить, где сейчас Лена, что делает, смогу думать о ней и представлять, как увижу ее снова. И тут меня окликнули. Глазам своим не верю, через сетку забора соседнего лагеря «Солнечный» на меня глядит Юлька, дочь наших знакомых! Обычно мы с ней встречались на днях рождения кого-то из наших родителей. Мы не были особо дружны, но, оказавшись вынужденно вместе, как-то уж проводили время. А теперь она здесь, вот так совпадение! Она позвала зайти, познакомила с ребятами, и мы играли в мяч. Время до обеда пролетело незаметно. Пора возвращаться. Может, Лена уже заметила мое отсутствие, а может, даже и соскучилась... нет, это вряд ли. Господи, как же хорошо возвращаться и знать, что она там! Значение имеет каждый метр! Неужели можно от кого-то зависеть настолько?! Я иду по дороге и отсчитываю шаги, каждый приближает меня к ней. И это единственное, что мне нужно — идти к ней. Она мой вектор, моя энергия, смысл и движущая сила. Я перехожу на бег.

Лена подошла ко мне в столовой. Оказалось, у меня обгорел нос. Она отметила это и, поставив передо мной еще одну тарелку супа, велела съесть. Место Наташи пустовало, ее порцию Лена и отдала мне. Я только «за», сегодня у меня разыгрался зверский аппетит, несмотря на жару. Поэтому я с удовольствием выполняю ее указание. Лена довольна.

Я не чаю в Лене души. Стоило мне провести в чужом лагере каких-нибудь полтора часа, как чувства мои обострились до предела. При виде Лены мне хочется кричать от счастья. Я жду ее у столовой и совершенно этого не стесняюсь. Соскучившись по ней до безумия, я не собираюсь ничего скрывать, наоборот, хочу, чтобы она знала! А она и так давно уже все знает.

Из столовой вышли все, кроме главного для меня человека. От солнца я прячусь в тени кустарников, восседая на старых накренившихся перилах лестницы с облупленной голубой краской. Наконец показалась Лена. На мою удачу она одна! Лена не проходит мимо, останавливается. Помимо обгоревшего носа замечает и красные плечи.

— Для кого-то пляж на сегодня отменяется.

— Нет! Почему? — я спрыгиваю на землю и оказываюсь прямо возле нее. Она выше меня. Мне хочется уткнуться в нее, прижаться к ней, чтобы она обняла.

— У Иры где-то был крем, марш за мной.

На пляж сегодня я, конечно же, пойду! Быть столько времени без Лены стало для меня настоящим испытанием, и я собираюсь наверстать упущенное. Сегодня я снова ей что-нибудь принесу. Хоть Лена и отругала меня в прошлый раз, я не могу иначе. Мне так этого хочется! Родители дали мне с собой денег «на пропой души». Они всегда так делают и всегда так шутят. Мне вполне хватает на различные свои мелкие удовольствия, причем каждодневно, еще и остается. Но в этот раз на себя я деньги тратить не стану. Отныне я ничего не желаю для себя, только для нее. Арбуз! Сегодня я принесу Лене на пляж арбуз. Она не станет меня ругать, думаю, ей будет приятно. Решено!

Мы как раз поднялись на свой этаж, и к Лене по коридору уже несутся мои соперники, так же претендующие на ее внимание. Может, сделать это прямо сейчас, во время тихого часа?.. Нет, с Леной в комнате эта Ирка, так что лучше на пляже. К тому же я не хочу пропустить обход. Лена обязательно к нам зайдет, она всегда заходит.

Лена у нас в комнате. Она уже заглянула к остальным, и теперь у нас. Ее просят не уходить. Лена присаживается на край моей кровати и выдвигает условие. Уговор такой — Лена рассказывает нам какую-нибудь историю, а все слушают с закрытыми глазами. Условие жестокое. Это все равно, что отказаться смотреть на произведение искусства, на шедевр, порожденный глубиной самого сильного из чувств, энергией страсти, вне которой все становится мелким и бессмысленным. Но они его принимают.

Она пришла ко мне! У меня все еще не хватает духу принять этот факт. Но, несмотря на терзающие сомнения, внутри сплошное ликование. Лена здесь, сидит вполоборота, ее рука, на которую она опирается, совсем близко от моей. При желании я могу до нее дотронуться, но, конечно же, не сделаю этого. Она не уйдет еще некоторое время. Ее голос тихий, мягкий, родной. Смысл произносимых ею слов не долетает до моего сознания. Она рассказывает им, слова для них. Для меня другое. Она осталась из-за меня! Она знает, что я смотрю на нее, смотрю все время, еле дыша, не отрываясь, не моргая. Все еще боюсь, что это сон, пошевелюсь, и все исчезнет, растворится. Поэтому я не шевелюсь. Меня будто загипнотизировали. Она рассказывает, как образуются сталактиты и сталагмиты в пещерах. Пару раз ее повествование прерывается замечанием насчет открытых глаз, адресованное не мне.

— В каждой капле воды, которая просачивается через толщу пещерного известняка, растворяется кальциевая соль угольной кислоты, кальцит, немного, совсем чуть-чуть. Капля повисает, немного испаряется, раствор соли кальция становится перенасыщенным, и кальцит откладывается на потолке в виде тоненького колечка. Когда капля срывается, испаряется еще больше, пока летит, а когда ударяется об пол, разлетается на мельчайшие брызги. Но пластинку углекислого кальция оставить все равно успевает. Следующая капля точно так же, и за ней следующая, каждая чуть удлиняет кольцо на потолке и немного надстраивает отпечаток на полу. И так капля за каплей. И это столетия. Нарост, свисающий сверху вниз, — сталактит, снизу вверх — сталагмит. Иногда они срастаются, образуя сталагнат. Бывают они разных цветов. Отчего это зависит? От состава породы, через которую проходит вода. Кроме карбоната кальция она растворяет в себе и другие химические вещества. Например, окислы железа — это желтый и красноватый цвет, медные соли — голубоватый, зеленоватый — соединения хрома, а в темно-фиолетовых и в черных сталактитах есть примесь марганца.

Химия — самый непонятный и даже пугающий предмет в школе. Но из уст Лены термины звучали мягко и даже красиво. Сработало! Они уснули! Мой взгляд по-прежнему прикован к ней, и я все еще не верю, что это происходит на самом деле. Словно разом сбылись все мои мечты, разве так бывает?! Но меня ожидало нечто еще большее. Лена обернулась.

— Закрывай глаза, — шепотом говорит она.

То, о чем она просит, невыполнимо. Я этого не сделаю и не подумаю! Я погружаюсь в ее взгляд, тону, но где же дно?! Тогда Лена прикасается к моему лицу, к глазам. Я на этом свете или уже нет?! Понять, что такое кружится голова и колотится сердце по-настоящему,

довелось только сейчас, в эту самую минуту. Как только она убирает руку, глаза мои сразу же открываются. Так повторяется несколько раз. Перерыв между взглядами кажется вечностью.

Лена пытается уговорить меня отдохнуть. Она считает, что дневной сон пойдет мне на пользу. Нужно набираться сил, родители для этого меня сюда и отправили. Лена права, но кто об этом думает в пятнадцать?! Скорее, это не оздоровление, а испытание организма на прочность. По крайней мере, так было в Юрмале.

На полдник я хожу за компанию. Не люблю сдобу, какао тоже. Лена поймала меня на горячем — при попытке передать булочку Рыжику. Он их обожает. Лена отдает ему свою. Спорить бесполезно, придется есть. Как только Лена с отрядом отправляется на пляж, покидаю территорию лагеря. Путь держу напрямиком на базар.

Арбузов много, прошу выбрать самый спелый и сочный. Объясняю, что это не для меня и что это очень важно! Продавец понимающе постукивает по полосатым ягодам. Выбирает среднего размера, килограмм на семь-восемь, с белым пятном на боку. Демонстрирует сухой желтоватый хвостик, стучит — звук гулкий. Я киваю. Отойдя от лавки на пару метров, возвращаюсь. Его Зийя зовут. Прошу нож, он дает. Обещаю вернуть.

Я вовремя, наш отряд как раз вышел из воды. Лена меня еще не видит, а Ирка уже узрела. Кладу арбуз Лене на подстилку и спешу уйти, но Лена меня возвращает. Она смотрит с укоризной, поначалу, первые секунды, потом улыбается. Мне приятно.

— А мы с тобой ни о чем не договаривались?

— Договаривались.

— И?..

— Так это же арбуз!

— И что?

— И то, что он мытый. Вот нож. Мне его нужно будет вернуть потом Зийе.

— Кому?

— Продавцу. Зийе. Да. Это он выбирал для вас. Должен быть спелый, — смотрю на Лену умоляющим взглядом.

— Зийя выбирал для меня? Смешно. Ну что ж, тогда проверим? Сроду не умела их выбирать.

— Запросто!

Подхожу, беру нож. А на сердце беспокойно. Я переживаю! Не из-за арбуза, конечно, из-за своей выходки. Заявка сделана, и теперь с этим плодом должен быть полный порядок, иначе я сгорю со стыда.

Фух, с арбузом все хорошо. Он треснул, как только в него вонзился нож. Мне повезло. Продавец не обманул. Буду возвращать нож, еще раз поблагодарю. Лена сама не ест и снова пытается заставить есть меня. Да разве же я могу?! Я действительно стесняюсь! Не знаю, что происходит, но возле Лены я не могу думать о таких вещах. Со своими желаниями я, пожалуй, повременю. Из отрезанного куска вычищаю косточки и протягиваю ей.

— Ты что творишь, а? Я и сама могу. Давай-ка, ешь.

— Ну, я же стараюсь, возьмите, пожалуйста.

— Это я как раз вижу, не слепая. Хорошо, спасибо! — и Лена принимает предложенный мной кусочек без косточек. — Теперь себе. И марш в тень.

— Я не хочу. То есть я уже. Вчера. Честно! Мы ели вчера!

— Ну и что? Значит, арбузы ты любишь, это мы выяснили. Вот и отлично! Давай-ка бери, я жду.

— Простите. Вы угостите кого-нибудь еще. Я скоро приду. За ножом. — Убегаю в прямом смысле. Мне совершенно этого не хочется, но зачем-то поступаю так снова. Я недалеко. Отойду и сразу же назад. Не выпускаю ее из поля зрения. Сегодня я от нее больше ни на шаг. Уже и так было потеряно слишком много времени. Больше я такой ошибки не совершу.

К Лене обращаются на «ты». Она и мне предложила. Я так не могу. Обещаю, что попробую, но каждый раз снова говорю ей «вы». Само выходит. Сказать Лене «ты» язык не поворачивается. Она старше меня, взрослая. И на остальных не похожа. Вот взять хотя бы Наташу. Ей легко сказать «ты». А как иначе-то? Раньше мне только такие и нравились. Правила существуют, чтобы их нарушать. Но теперь я знаю Лену и все изменилось. Наташа — это Наташа, а Лена — это Лена! Кому из них я доверю себя? Конечно, Лене! Что было бы, если бы Лена вела себя, как Наташа? Такого я представить не могу! Тогда это была бы уже не Лена.

Оборачиваюсь. Ее уже окружили желающие полакомиться арбузом, которым она охотно со всеми делится. Она занята и меня не видит. Пусть это никогда не заканчивается! Пусть вся моя жизнь пройдет здесь, на этом побережье с Леной!

Глава 9

Плечи и носы обгорели не только у меня. Сегодня поход на море отменяется. Свободное время на территории лагеря. Лена собирает группу из нескольких человек, которую планирует отправить на почту в поселок. Долгое время почта не работала. Нужно разведать, как тут у них теперь все устроено. Заодно позвонить родителям. Во главе группы я. Это означает какое-то время не видеть Лену. Пытаюсь сопротивляться. Пускаюсь на уговоры. Лена непреклонна. Придется идти.

На почте все сложно. Переговорный пункт должен был открыться в десять, но открылся без двадцати минут одиннадцать. Все это время мы находимся на солнцепеке. В помещении душно. Позвонить так сразу не выйдет. Чего ждали, спрашивается. Нужно взять талончик на завтра. Сотрудница за стеклом уточняет, на когда мне. Спрашивает, во сколько родители возвращаются с работы. Беру талончик. На нем указано время — четверть шестого, завтра. Но это рано! В такое время дома никого не будет.

Назад предлагаю идти через набережную. Никто не возражает, хоть это и не по пути. Сделаем небольшой крюк. Вернуться в лагерь мне хочется как можно скорее, но не только с талончиком, а и еще с чем-нибудь для Лены. Пока не знаю, с чем, по дороге будет видно.

Мы на месте. Миссия выполнена. Отчитываться перед Леной буду я. Наверное, она в своей комнате. Минуты две подожду и постучу. Сердце предательски трепыхается. Это далеко не впервые, но каждый раз замечаю. Мне нравится стоять в этом темном коридоре. Это даже лучше, чем плавать в море или гулять с друзьями. Это лучше всего, что когда-либо доводилось делать, чувствовать. По телу прокатываются волны, непрерывно, сменяя друг друга. Тепло, волнение, дрожь, жар, сердце, чувствую его удары, слышу каждый в отдельности, секундомер, отсчитывающий минуты до ее появления. Волнение, но не перед невыученным уроком, другое. Дрожь, но не от холода или страха. Преддверие чего-то важного, главного, необходимого, чего-то такого... не могу подобрать слов. Но за всем этим стоит только одно имя — Лена. А в моменты, когда вижу ее, все усиливается в сотню, в тысячу раз. Особенно, когда смотрю в ее глаза. Что это, nirvana, рай, наркотик? Смотреть бы в них вечно.

Стучу и слышу ее голос. Лена приглашает войти. Ее соседки, Ирки, в комнате нет. Лена одна. Она читала книжку и отложила ее в сторону. Протягиваю ей шоколадку.

— Я так и знала. Ты будешь меня слушаться или нет? — но говорит она это ласково. Она всегда говорит ласково.

— Я слушаюсь, — а в это время у меня внутри девятый вал. Я чувствую, что краснею, и опускаю голову, чтобы это было не так заметно.

— Серьезно? Это как? Делая все наоборот?

— Нет. О шоколаде мы не говорили.

— А, то есть мне все перечислить, составить список, чего мне дарить нельзя? Чай будешь?

Теперь я знаю, как выглядит ее комната. Кровать Лены у окна напротив двери, как и моя, только с другой стороны. Вторая под стенкой — Иркина. На тумбочке заварка, кипятильник и кружка. Лена просит набрать воды.

— Ты так и будешь стоять? Садись, только не на пол, пожалуйста.

— Спасибо. Здесь можно? — сажусь на Иркину кровать.

— Да. Ну и? Как сходили на почту? Родители уже спокойны? Услышали свое чадо? — Лена воткнула штекер кипятильника в розетку, и он зашипел.

— Сходили. Родители... нет. Не знаю.

— Так, а теперь вразумительно и по порядку. Рассказывай.

В это время вернулась Ирка. Увидев меня в их комнате на своей кровати, она не сумела скрыть своего недовольства. Оно четко и ясно отразилось на ее лице. Лена тоже это заметила и предложила мне пересесть к ней. Не хочу мешать им и приношу свои извинения. Скоро уже и так обед, а после обеда на пляж. Сегодня все будут сидеть под навесом, там и поговорим.

На пляже меня ожидал сюрприз. Иду по берегу, никого не трогаю, вдруг сразу несколько человек подбегают ко мне, хватают за руки, за ноги, и через мгновение я оказываюсь в воде. Пытаюсь соображать. Сначала приходит мысль о том, что я не люблю резкого перепада температур. Вода не холодная, но оказаться в ней вот так, внезапно, приятного мало. С самого утра меня морозило. По этой причине я в одежде. Я же в одежде! В боковом кармане шорт у меня все мои деньги и талон на телефонные переговоры! Пытаюсь достать размокшие бумажки. Заговор против меня готовился заранее. Это очевидно. Участников несколько, кое-кто из нашего отряда, самые сильные физически. Ко мне подбегает Лена. Узнав, что намокло все мое материальное положение, она приносит свои извинения. А я пытаюсь сообразить, причем здесь она. И тут Лена признается, что инициатором этой шутки была она! Предлагает срочно отправиться с ней в корпус и разложить купюры в ее комнате. Когда они подсохнут, по ним можно будет пройтись утюгом. Так мы и сделали. Талон на переговоры спасти не удалось, деньги уцелели лишь частично. Но на Лену за это я точно не в обиде. Сейчас ее внимание приковано ко мне, а за это я заплачу любую цену.

К Наде вроде бы должны приехать родители. Она говорила, что они остановятся в пансионате неподалеку от нашего лагеря. Нужно будет поговорить с ней на предмет того, чтобы они одолжили мне денег, какую-нибудь небольшую сумму, которую я верну им по возвращении. Вообще, это как-то неудобно. Но все равно узнаю пока дату их прибытия. За время моего двухдневного отсутствия в двенадцатом отряде кое-что изменилось. Ольга начала встречаться с одним из наших, со студентом Витькой. У Леськи появился ухажер из местных — Ванька. И только Надя пока оставалась одна. При упоминании о ее родителях она заметно оживилась и уже не обижалась на меня. Приехать они должны были еще вчера, но не приехали. По всей видимости, ее отца задержали на работе. Их приезд не отменялся, но откладывался. Чёрт! С Хиврей тоже не вариант, я у нее ничего просить не собираюсь. Еще чего не хватало! Ладно, думать буду, когда потрачу то, что удалось сохранить после водных процедур.

По вечерам на территории лагеря делать было нечего. Дискотек в лагере не было со времени нашего прибытия. Какие-то проблемы с аппаратурой. Что-то сломалось. Хотя дурацкая музыка из радиорубки во время зарядки каким-то образом продолжала звучать каждое утро. Уже два дня подряд после ужина у нас свободное время. Ребятня не унывала. Развлечение у них простое — гонять друг за другом до самого отбоя. У парней из киевской группы, кроме Витьки, появились секреты. Каждый вечер в одно и то же время они покидали территорию лагеря. Девчонок с собой не брали. Компания, таким образом, распалась. Но образовалась новая. Теперь собирались в отряде у Светы вместе с другими вожатыми. Наташа, конечно же, тут как тут. Собирались в дальней комнате в конце коридора за вином и игрой «в мафию». Надя берет с меня слово, что я приду, и я его ей даю. Сегодня после отбоя у них запланирован коллективный поход на дискотеку в пансионат. Народ постарше заскучал и искал развлечений. План такой — уложить детей, вожатых на каждый отряд по двое, один с детьми, второй свободен. Для Наташи такая проблема отсутствует. Надя, Ольга и Леська, само собой, идут. Студент Витька и местный Ванька тоже. На том и порешили.

Вечно со мной это происходит! Спать по ночам не по мне. Нужно быть в центре событий. И все бы хорошо, если бы в этом приняла участие и Лена. Но кого я обманываю, как раз Лены там точно не будет. Она не оставит отряд, будет следить за порядком и исправно исполнять свои обязанности. Ее подруга Ирка тоже никуда не ходит. Точно, Ирка! А что если я уговорю Лену пойти с нами? Всего разочек? Это же после отбоя. На этаже все равно останется ее подруга.

Никто ни о чем не узнает. Ясно как божий день, без Лены я пас, а значит, не сдержу слово, данное Наде.

Лена вышла ко мне на лестничную площадку. Теперь мы разговариваем там. Больше нигде. Обычно я стучу в дверь, потом, или сидя на ступеньках, или от нетерпения прыгая по ним вверх-вниз, жду Лену. Спустя некоторое время она приходит.

— Что случилось?

Вид у меня, наверное, взволнованный. Я и правда волнуюсь. С одной стороны, боюсь и начинать, с другой — жажду этого всем своим естеством.

— Лена, мне нужно спросить. Попросить... только, пожалуйста, не говорите «нет»!

— Смотря на что.

— Это очень важно!

— Верю.

Лена облокотилась на перила и приготовилась слушать. На случай, если она откажется, а так и будет, у меня заготовлены все возможные аргументы и невозможные тоже. Самый главный — это то, что пойдут ее сокурсники, другие вожатые. На что Лена наверняка ответит, что ей не на кого оставить отряд, и я тут же назову имя ее соседки.

Моя правда, выслушав мой довольно сбивчивый от волнения рассказ-приглашение, Лена начала как раз с этого. Я же буду умолять ее до тех пор, пока она не согласится. И дело вовсе не в самой дискотеке, понятно же. Это единственный повод и способ провести с ней время еще, снять это ежевечернее ограничение. После того как Лена укладывает нас спать, она уходит к себе, а я лежу и рассматриваю луну чуть ли не до утра. И так каждую ночь. Правда, потом в моем распоряжении целый день. На протяжении всего дня Лена с нами, но мне уже этого мало.

— Вот и иди. Повеселитесь. Ты под присмотром, так что я спокойна.

— Нет, без вас я никуда не пойду!

— А я тебе зачем? Полно же народу идет, друзья твои.

— Да как же?! Серьезно? Вы это серьезно?

— Вполне.

— Мне только вы нужны.

— Послушай, ну как ты себе это представляешь?

Я тут же закрываю глаза, всего на минуту, и затем, уже не отрываясь от ее дивных глаз, говорю, что очень даже представляю, вот прямо в мельчайших деталях. Представляю и даже показываю возможную реакцию ее Ирки. Пародия на подругу Лену развеселила. Она собиралась сказать что-то еще, возможно, отказать, но, заметив на моем лице выражение человека, проигравшего решающий бой, передумала.

— Я попробую, — тихо произносит Лена и идет к себе.

Глава 10

Получилось! Лена идет с нами. За две смены, которые она здесь отработала, после отбоя Лена покидала территорию лагеря впервые. О своем отряде, который был у Лены до нас, она рассказала, когда мы шли по набережной. С группой ребят из Тутаева у нее возникли проблемы. Загорелся горный склон, заповедное место, реликтовый можжевельник. Нашли окурки. Парни признались. Лене попало. Она получила выговор. Дело еле уладили. Я же, слушая ее, ловлю себя на мысли, что ревную. У Лены был другой отряд, другие дети, точно так же, как сейчас, она заботилась о них! Укладывала их спать, будила по утрам, водила в столовую, на зарядку и на пляж! Возможно, к кому-то Лена испытывала симпатию большую, чем к остальным! У нее мог быть любимчик! Скорее всего, так и было... Да, я ревную ее даже к маленькой девочке, не то что... К каждому столбу ревную ее!

Не спеша мы шли по набережной, направляясь в сторону пансионата и корпусов. Перед выходом было распито содержимое двух полуторалитровых пластиковых бутылок. Лена присоединилась позже, уже на улице. Я тоже. Все о чем-то оживленно беседовали, разбившись по парам. Мы с Леной шли позади остальных. Стеснение перед ней сковывало меня по рукам и ногам. У меня не получалось расслабиться ни на секунду. Меня одолевали всяческие опасения. Вдруг мы не найдем дорогу и придем не туда? Что если дискотеки сегодня нет и Лена только потеряет со мной время? Или мы все найдем, и дискотека состоится, но Лене там не понравится? И хотя мы идем туда все вместе, приглашение исходило от меня, а значит, и вся ответственность ложится на мои плечи. Лене пришлось говорить со своей Ирккой и как-то все ей объяснять. Она пошла на это и сейчас она здесь, со мной, и это чудо! Поэтому крайне важно, чтобы все получилось. Я даже не помню, как мы миновали набережную и где именно свернули. О том, что мы на правильном пути, свидетельствовали доносившиеся звуки грохочущей музыки.

Мы на месте. Площадка на открытом воздухе огорожена высокими металлическими прутьями. Похоже на огромную клетку. Внутри многолюдно. Мероприятие платное. До окончания оставалось меньше получаса. И правда, вышли мы где-то в четверть одиннадцатого, а то и позже. Смысла в покупке входных билетов на пару оставшихся композиций никто не видел. Раз уж пришли, решили остаться снаружи, посмотреть. Выбрали удобное местечко у ограды с наиболее обширным обзором. Вместе с остальными Лена присела на парапет. Я стою напротив нее и не могу оторвать глаз. Она тоже смотрит на меня. В это время звучит хит сезона — композиция Harry Nation группы Ace of Base. Счастливая нация. Понимали ли мы, о чем песня, вряд ли. Но этим летом она звучала повсюду: и в кафе, и на рынке, и из всех окон. С первыми хорошо узнаваемыми звуками вступления народ заметно оживился. Все это время не свожу с Лены глаз. Ее взгляд имеет надо мной такую же власть, как магические звуки дудки над коброй. На нас никто не обращает внимания, все наблюдают за танцующими. Счастья, которое я испытываю в этот момент от ее присутствия, пожалуй, хватило бы на целую нацию и не одну. Каждый раз, когда ее взгляд останавливается на мне, кровь приливает к моему лицу. Каждый раз мне неловко, но в то же время безумно приятно. Ничего не понимаю и объяснить не могу. Но мне хочется, чтобы это длилось вечно, даже если под ее взглядом я рискую сгореть дотла.

В Юрмале у нас тоже были свои хиты. С них дискотека начиналась ими же и заканчивалась. Но была одна ключевая композиция. Это Good-Bye группы Savage, которую крутили изо дня в день, из смены в смену. Песня о расставании с любимой девушкой бредила души и напоминала о предстоящем прощании с этим местом и с этим летом каждому из нас. Все дело в чувственности, которая в этом возрасте выходит на свои пиковые позиции и жаждет драмы. Каждый летний хит — это еще и зарубка в памяти, которая со временем становится потайным входом в прошлое, машиной времени. Стоит услышать одну из таких песен, как тут

же оказываешься в водовороте тех дней, чувств и эмоций. Перенестись обратно с помощью одной только песни. И если с песней Good-Bye все ясно, она о быстротечности отношений, то с песней Happy Nation дело обстоит несколько иначе. Добро и человечество, мечты, совершенный человек и счастливая нация, душа и бессмертие идей. Эти понятия куда более глобальные и долговечные. Моя чувственность, как и положено, реагировала на звуки, а слова песни программировали подсознание на бессмертие этого чувства. Но Лена прямо передо мной, и жизнь моя имеет смысл только здесь и сейчас. Не существует ни прошлого, ни будущего. Только здесь и сейчас.

Басы отгремели, колонки умолкли. Публика начала расходиться. Уходим и мы. Понятное дело, вечер на этом не заканчивается. Спать никто не собирается, кроме Лены. Она намерена вернуться в отряд. Остальные тоже возвращаются, чтобы переодеться. Место сбора, как обычно, в дальней комнате. В общей сложности отсутствовали мы не больше часа. Блюстителю порядка Ирка будет довольна. Уговаривать Лену остаться я не рискну. За меня это и так уже сделала Света. Лена отказалась. Сказала, что ей рано вставать. А вот мне точно не уснуть, но, воспользовавшись случаем, я все равно собираюсь улизнуть вместе с Леной.

У Лены ключи, и мы тихо ступаем по коридору. Уже поздно, и к нам в комнату Лена уже точно не заглянет. Придется ждать утра. Она благодарит за вечер. Вообще-то, благодарить ее стоит мне. Но я этого еще не умею и в ответ лишь пожимаю плечами. Расходимся она к себе, я к себе. Уже лежа в кровати, слышу голоса в коридоре. Затем кто-то заглядывает к нам в комнату. Это не Лена. Это пришли за мной и чуть не перебудили всех остальных. Есть гитара, и нужен кто-то, кто на ней играет. На самом деле я плохо играю, знаю всего несколько песен по аккордам, не по нотам. Но этого оказалось вполне достаточно. Быстро одеваюсь.

В этот вечер было много вина. Пью вместе со всеми. Моей стеснительности и след простыл. Выходим на улицу. На бис исполняю песню «Би-2» «Серебро» — «не потерять бы ее одну, заветную» — и Маркина — «я готов целовать песок, по которому ты ходила» — прямо перед окнами Лены! Кого-то мы таки разбудили. Поэтому вся компания перемещается на пляж.купаемся нагишом и продолжаем пить вино. Напряжение спало, но все время хочется к Лене, сильнее обычного. Каждую минуту вспоминаю ее глаза, и как мне хотелось целовать ее колени и ладони, прямо там у всех на виду, пока звучала та песня, и сейчас хочется, пока я здесь, пока есть это лето и этот вечер! Ну почему Лена сейчас не с нами?! Это все вино, это оно так на меня подействовало. Голова кружится. Но когда Лена на меня смотрит, голова кружится еще больше! И если от вина я вскоре усну мирным и глубоким сном, то от ее взгляда я теряю разум.

Сегодня пьяны все. Наташа больше всех. Ее шатает из стороны в сторону. Она уже не узнает своего партнера и тянется целоваться к другому. Назревает ссора, а то и драка. Чем все закончилось, не помню. Просыпаюсь в комнате. Солнце светит мне прямо в глаза. Вроде бы наш корпус. Но комната не моя. Осматриваюсь. В своих кроватях крепко спят Надя и Оля. Я на Леськиной, у окна. Она не ночует у себя уже несколько суток. То ли дело Ирка, которая подруга Лены, та вечно на месте, словно сфинкс, охраняющий гробницу фараона. Вот бы и она с кем-нибудь, да куда-нибудь... ну хотя бы раз! Вероятность равна нулю, скорее арбузы станут расти на деревьях, чем с ней это произойдет.

Лена всегда просыпается рано. Ее комната окнами к морю, как и эта. Это солнечная сторона. По утрам ее будят солнечные лучи, а меня ее солнечный голос. Она обнимает меня им каждое утро. До подъема еще есть время. Я успею. Хочу сказать ей: «Доброе утро!». Попроberусь в свою комнату и притворюсь, что сплю. Для меня Лена оставила дверь не запертой, с другой стороны, со стороны второй лестницы, нашей с ней лестницы.

Глава 11

Сегодня не лучший день в моей жизни. На меня обиделась Лена. С самого утра нам объявили о предстоящем концерте, к которому должен подготовиться каждый отряд. И наш не исключение. Два дня не происходило вообще ничего, полное затишье, зато теперь началась бурная деятельность. После завтрака уборка комнат и этажа с последующей проверкой, затем подготовка к выступлению. А вышло вот что, по дороге на завтрак Лена сообщила, что вписала меня в состав участников. Мне пришлось отказаться, причем в ультимативной форме. И это ее обидело. Если бы она только знала причину моего отказа! Я пишу при ней принимать стесняюсь, а то сцена! Я и смотреть-то Лене в глаза еле решаюсь, не то что выступать! Ну и что, что я играю на гитаре, я могу это делать только в узком кругу, не на публике. Да и в узком кругу страшно смущаюсь. У меня никогда не было ни желания, ни умения выступать на сцене, к тому же у меня очень тихий голос. Лена слишком высокого мнения обо мне и о моих способностях. А перед ней я опозориться никак не могу. Ни в коем случае! Перед кем угодно, но только не перед ней. Это выступление всего лишь демонстрация ее педагогических и организационных способностей. Желающих море. Выступить может кто угодно. Нет! Да еще и сама Лена будет на нем присутствовать, будет сидеть в зале! Все что угодно, только не это. Мое выступление стало бы возможным только в одном случае, если бы это было моим призванием, если бы мой талант на тот момент уже был признан давно и всеми. А пока выступить перед Леной я не решусь. Объяснить ей хоть что-нибудь у меня не вышло, не нашлось ни единого аргумента. И она занялась подготовкой к концерту с другими ребятами. Со мной даже не разговаривает. Решила, что таково мое к ней отношение. Господи!

На душе у меня так скверно, что, когда к нам в комнату с проверкой пожаловал сам директор лагеря, не могу себя сдерживать. В ответ на его замечания по поводу следов на свежесмытом полу говорю, что наши родители заплатили не за то, чтобы мы здесь драили полы. Для этого есть уборщики. Я и правда так думаю, но дело не в этом. Он говорил это при Лене, обращаясь как бы не к нам, а к ней. Она это слышала. Да кто он такой вообще! Куда-то исчезла вся моя робость и смирение. Он не может говорить ей такое! За мою выходку Лене ничего не будет, потому что я вроде как и не из ее отряда. Меня определили в него из-за нехватки мест, которые, между прочим, должны были иметься для всей нашей группы. И ему об этом известно. А его сын, Рустем, тот еще проходимец. Занялся бы лучше его воспитанием и учил бы драить полы его. Но этого говорить мне не пришлось, фыркнув что-то в ответ, тот покинул комнату, отряд, этаж. Ничего этого не произошло бы, будь у меня с Леной все в порядке. И так будет с каждым, кто посмеет отчитывать меня при ней или говорить подобным тоном с ней! За мое воспитание Лена не в ответе. Поэтому данный инцидент никак не повлияет на результаты ее практики.

Не нахожу себе места. Что меня гложет? Мое внутреннее обещание сделать для нее все, все, что Лена пожелает! И вот, она желает, и нате вам, пожалуйста... Стараюсь найти оправдание. Но это же не нужно ей лично. Ей нужно мое отношение, а оно и так у нее есть. Да и что от меня на этом концерте зависит? Это же формальность, с которой она без труда справится. И даже лучше, если без меня. Самой ей до этого концерта нет никакого дела, это просто очередное задание, которое нужно выполнить. Со мной она бы только намучилась и в результате разочаровалась. Меньше нужно было хвастаться перед Леной в день приезда. Будет мне уроком.

Боюсь ли я разочаровать Лену? Да, больше всего на свете! Она не тот человек, которого можно удивить какими-нибудь бредовыми выходками. А что я представляю собой на сегодняшний день? Ничего! Лена студентка, она заканчивает университет. Она разбирается в химии. А я дурачусь в школе и не знаю, кем хочу стать. Раньше мне казалось, что это круто, теперь нет. Но Лена не делает мне замечаний, ни в чем не упрекает и нравоучений не читает.

Наоборот, она будто видит во мне то, чего и нет вовсе. Как-то она сказала, что я вполне себе нормальный, хороший ребенок. Она наделяет меня талантами, которых нет, хвалит за пустяки. Доверяет. И сегодня тот случай. Лена считает, что я могу, а я не могу!

Очень хочется, чтобы все наладилось. С нетерпением жду, когда Лена вернется с репетиции. Это будет аж к обеду. Еще долго. Выходит, у меня была возможность провести с ней целый день, а отказавшись от участия, я автоматически лишаясь этой возможности. Представляя, что она сейчас там с ними, не со мной, злюсь на себя еще больше. Наверняка они отлично проводят время, смеются, шутят. Она дарит им свою улыбку, свое внимание. А я сижу здесь и могу себе все это только представлять. Теперь я ревную Лену к каждому, у кого есть голос, кто умеет петь, танцевать, шутить, кто артистичен и не застенчив. Я ревную, мне обидно и грустно. Мне хочется все ей объяснить, но что я скажу?

Во время обеда мне не удалось поймать ее взгляд. Несколько раз она прошла мимо, но смотрела в другую сторону. Лена наскоро съела тарелку супа и ушла в корпус. На тихом часе она лишь заглянула, сказала, что спать не обязательно, можно просто полежать, но вести себя при этом попросила тихо, и закрыла за собой дверь. В мою сторону даже не глянула.

Лежать мне было невмоготу. Ноги сами привели меня к площадке летнего кинотеатра. Она была там. Пока один из отрядов репетировал на сцене, остальные в ожидании своей очереди небольшими группками расположились в зрительном зале на скамейках. В окружении своей команды Лена сидела ко мне спиной. Подойти к ней у меня не хватило духу. Но и уходить не хотелось. Кстати, сидеть здесь мне никто не запрещал.

Лена заметила меня, когда репетиция была окончена. Все расходятся, а я не ухожу. Жду ее. И вот уже собираюсь подойти, как меня опережает Надя. Откуда она взялась и что здесь делает? Да еще и не одна, а с тремя девочками из своего двенадцатого отряда. Как оказалось, она взялась с ними подготовить номер для сегодняшнего концерта, и помогать ей в этом будет Лена. Я остаюсь в зале, а они репетируют песню про русалочку. Лена знает, что я здесь, и знает что из-за нее. Может быть, хоть так простит меня. Слежу за каждым ее движением, за каждым шагом. Похоже, ей нравится сам процесс. Она воодушевлена. А я сижу мрачнее тучи. С Надей они отлично ладят. Теперь даже лучше, чем со мной. Слова песни знаю уже даже я. Заключительное исполнение, дети выстроились возле микрофона. Спели два раза полностью. Не сбились. То, что надо. Они еще остаются, а Лена собирается уходить. Так и уйдет? И сердце снова колотится, напряглись все мышцы. Я больше не выдержу. Хочу все вернуть! Буду просить прощения, встану на колени! Лена направляется к выходу, но останавливается. Оборачивается. Протягивает руку, ждет меня.

С ней рядом иду молча, наслаждаюсь происходящим. Мне было так плохо, и так хотелось отмотать назад! И вот, наконец, все хорошо, все в порядке. Никогда еще чья-то обида не действовала на меня таким образом. Мне хотелось все ей объяснить. Воспользовавшись тем, что мы одни, выпускаю на волю поток слов, которые копились все это время. Лена слушала и удивлялась. Она не рассматривала мой отказ от участия в концерте под таким углом. Наконец-то, мои страдания от этого недоразумения закончились, и все стало на свои места. Лена снова держит меня за руку.

Штормовое предупреждение — вот причина такой программы. Концерт оказался так себе. Дня на подготовку явно не хватило. Тем более без хударука, на котором тоже сэкономил директор. А что, вожатые — практиканты без зарплаты, да еще и все остальное делают сами, и за уборщиков, и за хударука. В результате номера были не смешные. Из многих постановок вообще ничего не вышло. И хорошо, что мне не довелось оказаться на сцене перед Леной в том невыгодном положении, в котором оказались выступающие. Они-то не влюблены в нее так, как я, поэтому им все равно. Сгореть от стыда — единственное, что мне осталось бы. А так я с ней в зале. И все уже хорошо.

Но это еще не все. Следующий день отводился под спортивные состязания между отрядами. Моя б воля, было бы то же, что и с концертом, самоотвод. Но я так боюсь опять испортить с Леной отношения, что добровольно записываюсь сразу в две команды — по плаванию и на волейбол. Это хоть не сцена, это-то я могу.

Проплыть, как надо, у меня не получилось. Плавание в бассейне и в море отличается. С толку сбили волны, меня снесло вбок. Пришлось сойти с дистанции. Не знаю, может, стресс повлиял. Лена сказала, что главное не победа, а участие. Соглашусь. Но она все-таки стала свидетелем моего поражения. И мне от этого не по себе. После обеда мне еще предстоит играть в волейбол. Уж это я точно умею. Мы часто и много играли в Юрмале. И хоть это командная игра, знаю, что свою задачу я выполню чисто.

Лене уже известно о моем перед ней стеснении. Впрочем, это было заметно и без моих объяснений. Таким образом выражаются мои чувства. Когда она рядом, мне сложно что-либо делать. И Лена обещает не смотреть. Но она все равно наблюдает за игрой. Это ничего, мячи удачно отбиты, победа за нами. Правда, не без инцидента. Во время игры один юный фанат команды противника решил применить тактику психологического воздействия. Стоя на нашей половине поля, он своими оскорбительными репликами то и дело провоцировал конфликт. И это при ней! В конце концов, он добился своего и вывел меня из себя. Заступив на поле и помешав мне отбить мяч, с оторванными на рубашке пуговицами отлетел в сторону. Пуговицы остались у меня в руке. Лена стояла с другой стороны и, возможно, ничего из его выкриков не слышала, но могла и слышать. И это единственная причина, по которой произошло то, что произошло. Мяч не засчитали, подача осталась за нами. Они проигрывали. И проиграли. Для меня это была не просто игра, а возможность реабилитироваться. Поэтому мешать мне была не очень хорошая идея. Теперь Лена видела меня еще и в драке. Позже он приходил, требовал пришить ему пуговицы. К счастью для него, рядом не было Лены.

Один проигрыш, один выигрыш. Не густо. Но Лена довольна. А вот я нет. Но хорошо, что все это закончилось наконец-то. Можно больше не думать о выступлениях и соревнованиях, а просто наслаждаться солнцем, морем, летом. Еще один вечер и еще одна дискотека. На этот раз в лагере. Аппаратуру починили. И дежурит на дискотеке сегодня Лена.

Наши отправляются за вином. Я с ними и я в доле. Лена пока не пришла. Весь сегодняшний день был каким-то сумбурным. Но испытания закончены, стресс позади. Правда, расслабиться не выходит, напряжение больше обычного. За то, что Лена простила меня и вернула мне свое расположение, хочется сделать что-нибудь необычное, красивое. За вином я иду за компанию, моей же истинной целью является желание купить по дороге что-нибудь для нее. Опять шоколад? Как вариант. Но это не то. На самом деле мне хотелось бы подарить ей огромный букет цветов. Пока мы шли по набережной, мои мысли были только о цветах. Однако они нигде не продавались. На клумбах росли розы, куда ни глянь. Но для букета они не подходили. Маленькие и слишком раскрытые чайные розы. Мне же хотелось преподнести Лене настоящий букет, такой, как дарят женщинам. Вчера она усомнилась во мне, не поняла. Значит, она все еще не знает о моих к ней чувствах, не догадывается, насколько они сильны, и как она сама мне дорога! Целый день меня отвлекали соревнования, теперь нужно действовать. Я отыщу способ и обязательно сделаю то, что хочу.

Тепло растеклось по всему телу. Немного кружится голова, а пластиковый стаканчик снова полон. Мы на той самой спортивной площадке, где сегодня проходили соревнования. Кроме нас здесь никого. Все внизу, у флаштока, там, где дискотека. Из своей засады я высматриваю Лену. Сложно усидеть на месте. В который раз порываюсь отправиться за ней в корпус. От одной мысли, что она сейчас появится, пьянею еще больше. И я снова испытываю сильное волнение и чувствую свой пульс. Тост следует за тостом. Я даже не успеваю разобрать, о чем они.

Из радиорубки звучит музыка, под которую на площадке для зарядки резвится ребятня. Лена появилась спустя полчаса после начала. Этого времени мне хватило, чтобы опьянеть. Из компании меня тут же как ветром сдуло. Лена шла по аллее от нашего корпуса и была так прекрасна, что мне хотелось броситься навстречу и прижаться к ней, словно я малое дитя. Лена прошла по периметру и вернулась к тому месту, где, по моим расчетам, должна была присесть на скамейку. Так и вышло. Я тут как тут и не отхожу от нее. После вчерашней размолвки я упиваюсь каждым мигом рядом с ней. За эти полчаса она стала еще красивее, еще притягательнее. Ее глаза пьянят куда сильнее вина. Ничего не соображаю, не могу от нее оторваться. За спиной у меня шоколадка, которую собираюсь ей отдать. Это совершенно не то, что мне хотелось бы преподнести ей в эту минуту. И я снова думаю о цветах. Букет, огромный и красивый — вот, что было бы сейчас уместно. А еще свое сердце, целиком, навсегда! Как же она красива! Со мной творится что-то невероятное. Причем с самого первого дня, но сегодня это ощущается особенно остро. Этим вечером под этим небом на этом побережье я смотрю на самую прекрасную девушку в мире! Елена Прекрасная! Вместо букета протягиваю плитку шоколада и мысленно кусаю себе локти.

— Ты опять? Почему не танцуешь?

— Не умею.

— Не выдумывай, все ты умеешь.

— Я не хочу.

— Почему?

— Я хочу побыть рядом с вами.

— Я здесь и никуда не денусь, не переживай.

— Я останусь, можно?

— Можно.

Сажусь рядом с Леной. У меня почему-то дрожат руки и внутри все дрожит. Это все, что мне сейчас нужно, — быть возле нее. От алкоголя творится странное — я решаюсь не отводить взгляд дольше обычного. Но потом все же отвожу. Шоколадка кочует из одной руки в другую. Это нервное. Лена замечает и забирает ее у меня.

— Может, съешь? — Лена поворачивается и задерживает на мне свой взгляд. Она сегодня какая-то другая. Но как же красива! У меня пересохло в горле. Молчу и только отрицательно мотаю головой. — Хорошо, тогда получишь ее обратно завтра в столовой. Не обсуждается.

Только я собираюсь возразить, как ниоткуда, будто из-под земли, возникла тощая фигура Инки и ее вечно мрачная физиономия. «Я все вижу» — говорит ее настороженный взгляд. Она то ли осуждает, то ли завидует, по ней не поймешь. Все время ошивается возле Лены. Никуда от нее не денешься. Вот и сегодня. Ирки нет, так Инка тут как тут. Снова уставилась на меня коршуном. Чего ей вечно надо? Лена оставила нас, а сама решила обойти площадку. Вот и наши вышли из укрытия. Судя по особому блеску их глаз и растянутости произносимых слов, в дело пошли и вторые пол-литра местного розлива. Они собрались на набережную и зовут меня с собой. Отказываюсь и жду Лену.

В десять дискотека закончилась. Отбой. Лену окружили ее подопечные, как обычно. Все вместе мы идем в корпус. Сегодня она не предлагает мне остаться с друзьями. Она знает, что я с ними не останусь.

Глава 12

Меня удивляет мерное течение моей жизни. Эти дни — остров блаженства. Позабыв обо всем на свете, пребываю в мире прекрасного, и Лена его олицетворение. Она во всем, она во всех. Не существует времени и других мест. Единственно реальный мир сейчас здесь. Центр моей Вселенной — этот лагерь и кое-что за его пределами.

У Лены сегодня выходной. И она собирается провести его за пределами лагеря. За целую смену вожатым положен только один отгул. Лена взяла его сегодня. Она объявила нам об этом с самого утра. Но на завтрак все равно отвела. Что такое провести без нее целый день?! Мне даже в голову не приходило, что такое может случиться. С нами остается Наташа. И это плохо. Даже пугающе. О ней в отряде давно позабыли. Возможно ли это, видеть кого-то вместо Лены?! Словно пес, я собираюсь хранить верность своей хозяйке.

Лена ждала свою Ирку внизу, а когда та спустилась, они направились к остановке. Придерживаясь дистанции, бреду за ними. Конечно же, Лена знает, она меня видела. А ее подруга, похоже, за это ее отчитывает. Лена делает вид, что слушает, сама же в это время украдкой подает мне знаки возвращаться в лагерь, тем самым говоря со мной, а не с ней. Возвращаться я и не подумаю.

На остановке полно народу. Все ожидают автобуса. По всей видимости, должен скоро прибыть. Стою возле лагеря «Солнечный», у центрального входа. Это на противоположной стороне от остановки. Пусть эта ее Ирка думает, что хочет, мне все равно. Лена видит меня. И улыбается. Это главное.

Видеть Лену вне лагеря среди каких-то незнакомых людей непривычно. Она на них не похожа. Она ни на кого не похожа. Если ее подруга слилась с толпой, то Лена нет. Она яркая, как солнце на этом побережье. Я люблю ее!

Автобус ходит редко и не всегда по расписанию. Вот и сегодня уже должен был быть. Задерживается. Только и слышно: «приедет, не приедет». Лена подозвала меня к себе, и мы отошли в сторонку. Стали в тени. Вскоре показался желтый с выпуклыми боками автобус. Народ на остановке, словно рой пчел, всполошился, задвигался, зашумел. Но время еще есть. Водитель должен был сначала высадить людей. Голова Ирки то и дело выныривает из столпившихся полукругом жителей поселка, призывая подругу присоединиться к толкучке. Но Лена не спешит.

— Ну что? Пока? До вечера. Не скучай.

— Буду!

— А вот это совершенно напрасно. На море пойдешь?

— Нет. Здесь буду ждать.

— Вот еще, глупости!

— Можно?

— Нет. Не вздумай! Ты меня слышишь?

Поток людей внес Ирку в автобус, и Лена была вынуждена идти. Из окна Лена жестами показывала мне возвращаться в лагерь. Но я останусь. Сдержу свое слово. Буду ждать ее здесь. Да и что мне делать в лагере без Лены? На обед тоже не пойду. Можно будет перекусить на набережной хот-догом. А к ужину она обещала вернуться.

Нужно прятаться в тень, солнце припекает. Да где ж ее здесь отыщешь. Та, что была, уже исчезла. Остался только небольшой пятачок с обратной стороны нашего корпуса. Сойдет. Остановку оттуда видно. Время тянется медленно, но это ничего. Мне не скучно, это приятное ожидание. Определенно хочется, чтобы она вернулась поскорее, но ждать буду, сколько потребуется. На остановке никого. Она полностью залита солнцем и выглядит как временной

портал, который перенес Лену в другое измерение, но скоро вернет обратно. По Лене скучают все и ждут ее все. Но только я дождусь ее здесь и увижу раньше всех.

Можно было бы поиграть с ребятами из «Солнечного» в мяч, с площадки тоже отлично видна остановка, но в лагере никого. Ушли на море, наверное. Книги с собой у меня нет, да и читать вряд ли выйдет. Не до чтения. А вот мысль о цветах меня не покидает. Автобус, на котором Лена уехала, идет до Феодосии, но проезжает множество населенных пунктов. Может, и мне на нем куда-нибудь доехать, туда, где продаются цветы? Изучаю расписание. Расчерчено от руки и кое-как приклеено к бугристому участку бетонной стенки. На ближайшее время ничего, следующий автобус только в четыре. Но тогда я рискую пропустить Лену. Что если она вернется раньше. Встретить ее с букетом было бы здорово!

Никто не знает, где я, только Лена, и это хорошо. На дороге пусто. Вокруг ни души. За это время мне удалось обнаружить и разглядеть в траве целые царства различных букашек и муравьев, бабочек и кузнечиков. И все они были заняты делом. Куда-то бежали, что-то строили, искали, добывали. А от тех, которые оставались на месте, исходил громкий стрекот. Часов у меня не было. Пора размяться. Чтобы не отходить далеко, но и не возвращаться на территорию своего лагеря, направляюсь в сторону пансионата. Там сплошные заросли, не пролезть. Но я все равно зачем-то туда лезу. Наш лагерь и пансионат разделяет какая-то толстенная труба. Внизу вода. Но можно перелезть по верху. Ветви колючих кустарников исцарапали мне ноги, и я уже подумываю возвращаться. Но тут меня ждал сюрприз. Не зря меня сюда занесло. Прямо передо мной, спрятавшись ото всех, в два ряда выстроились кусты роз. Откуда они здесь?! И это совсем не такие розы, как на клумбах набережной. Они красивые, еще в бутоне, цвет — насыщенный желтый. Но для того, чтобы срезать их, понадобится нож. Теперь я хоть знаю, где они растут. Вернусь за ними вечером, когда стемнеет, срежу аккуратно, меня никто не заметит. И никуда ехать не нужно. Чудеса, да и только! Настроение отличное. Цветы найдены. Теперь можно и перекусить. Выберусь из кустарника и через поселок выйду к набережной. Я быстро, туда и сразу назад.

По набережной разгуливает наша Хивря с семейством. Спешу от нее куда-нибудь спрятаться, а то сейчас начнется. Она меня уже заметила. Как раз готов мой хот-дог. На пирсе замечаю вожатую Светлану из двенадцатого отряда. Вот оно мое спасение. Хватаю колу и к ней. Она одна и собирается купаться. Пока она будет плавать, я перекушу. Хивря ушла.

У Светы сегодня тоже выходной. Она никуда не поехала и проводит его вот так, на другом пляже, вдали от детей и коллег, загорает, купается. Мы разговорились. Она мне нравится, веселая и общительная. Первым делом она сообщила, что меня с самого утра разыскивает Надя. К ней приехали родители, и она хотела взять меня с собой. В душе радуюсь, что она меня не нашла. Спешу сменить тему разговора и, допивая колу, говорю Свете, что она отлично плавает. И это правда. Похоже даже на что-то профессиональное. И тут же вспоминаю о своем провале на соревнованиях. Профессионально плаванием она не занимается, но плавает с самого детства. Сейчас она живет в Минске в общежитии, но там, где она родилась, прямо возле дома есть озеро. Вот и натренировалась. Скучает по дому. Пригласила меня в гости, сообщила адрес общежития. Запомнить легко — улица Октябрьская, 2. А вечером пригласила меня к ним. Явка обязательна. Пока мы разговаривали, солнце напекло голову. Окунуть и обратно на свой пост. Насчет вечера еще подумаю. Уже в воде, нырнув, в области ног чувствую сильное жжение, причем в нескольких местах сразу. Вспоминаю о кустарнике. Царапины стали ярко-красными и рельефными. Больно. Света заметила, но ни о чем не спрашивала.

Я на месте. После шумной многолюдной набережной снова ни души. Только солнцем выжженная трава. Волосы и одежда высохли еще по дороге. Жарко сегодня очень. Даже море нагрелось больше обычного. Вода, как в ванной, вообще не охлаждает. Тень — единственное спасение, но ее нет. Спрятаться негде. Только в корпусе. Ни разу здесь еще не было дождя. В Юрмале все иначе. Климат другой. Такого теплого моря не было никогда. Вода холодная, и

частые дожди. Но мне нравилось. Такой климат мне больше подходит. Дождь — это уютно, романтично. Вот бы провести один такой день с Леной. Но здесь даже нет веранды. Пришлось бы сидеть в корпусе. А он на это не рассчитан. В нем только ночуют. Света рассказывала, что в прошлую смену у всех у них были проблемы. В первые же дни все сторели. Белорусы к такому солнцу не привыкли. И правда, кожа у них белая, особенно у Лены. Ирка, та уже почернела, от злости, наверное. Лена нет. И ее кожа, и вся она светлая, нежная. Где она сейчас, что делает? Хорошо все-таки, что она поехала не одна, а с этой своей Иркой. Хоть она мне и не нравится, но о Лене точно позаботится. К вечеру жара спадет, и в автобусе будет не так душно.

Кузнечики или цикады разбушевались не на шутку. Хоть уши затыкай, таким сильным и пронзительным стал их балаган. Это они возвещают приближение вечера и приезд Лены. В «Солнечном» уже давно все вернулись. Сейчас у них полдник, и затем матч. Меня тоже позвали. Но я не пойду. Посмотрю издали. Лена может вернуться в любую минуту. В семь последний автобус.

Последним Лена и приехала. Увидев меня, она лишь руками развела. Вижу только ее. Иду ей навстречу. И снова эта предательская дрожь. Я стесняюсь, волнуясь, и так каждый раз. Никак к этому не привыкну. Но дрожь эта от накопившейся за целый день нежности. Чем ее больше, тем дрожь сильнее. Лена хочет что-то сказать, но не успевает, я утыкаюсь в нее. Она прижимает меня к себе. Так стоим. Затем она берет мое лицо в свои руки, поднимает мой подбородок, смотрит в глаза.

— Что-то ты неважно выглядишь. Ты хорошо себя чувствуешь?

— Уже да. Очень хорошо.

— Ты же не целый день меня здесь ждешь, правда?

— Нет, еще был хот-дог и кола на набережной.

— Так, какой еще хот-дог?! А обед? А все остальное время? Хочется надеяться, что ты шутишь.

— Где вы были, Лена?

— Вижу, что не шутишь. Чудо ты мое, идем. На ужин мы еще успеваем. И попробуй мне не съесть свою порцию!

По дороге Лена рассказала, что были они в Феодосии, посетили музеи Айвазовского, Грина, гуляли по городу. Ужасно устали и не чувят под собой ног. Не успели мы войти в столовую, а навстречу Лене уже неслись исстрадавшиеся от безразличия к ним Наташи дети.

Лена устала и после ужина сразу же отправилась к себе в комнату. Ее выходной еще не закончился. А у меня есть дела. Скоро стемнеет, перочинный ножик в кармане. Все остальное потом. И нужно будет отыскать Надю, а то и правда обидится.

Глава 13

Семь — мое любимое число. Розы — как на подбор, такие, как нужно. Их будто специально выращивали здесь для Лены. Всего их девять, так что могу выбирать. Две оставлю, пусть растут. Пробраться через заросли во второй раз получилось быстрее. Обратно тоже. Нужно обрезать шипы, чтобы Лена не поранилась. Рассматриваю. Все вместе в букете они еще красивее. Такие и не купишь! Удивительно, что росли они под самым боком и что мне удалось их отыскать. Про запас у меня был план. Там дальше, за поселком, возле дельфинария, есть ботанический сад. Он огражден, вход по билетам. Мне уже довелось там побывать. И если бы там имелось то, что мне нужно, высокий забор и охрана меня не остановили бы. Но таких роз там не было! Росли кусты с тонкими ветками и распутившимися цветами, как на набережной. Ничего особенного. А мне были нужны необыкновенно красивые, потому что и Лена необыкновенно красива!

В ее окнах горит свет, значит, она в комнате. Чтобы никого не повстречать по дороге, иду по нашей лестнице, второй, которая запасная. Идти к ней у меня никогда не получалось, только бежать. Вбегаю по лестнице. Дышу тяжело, но не от бега, а от волнения. Оно все время меня одолевает. Никак не справлюсь с ним. Каждая секунда промедления — риск кого-нибудь повстречать. А я хочу, чтобы она первая увидела цветы. Пока мне везет, в обычно многолюдном и шумном коридоре никого. Вот бы мне и дверь открыла Лена, а не Ирка. Та вечно высывает свою голову, ее кровать ближе к двери. Я знаю, что они устали с дороги и собирались лечь пораньше. Я ненадолго, всего на минуту. Стучу и слышу разрешение войти. Лена уже идет ко мне. Она знала, что это я. Какое-то время она смотрит на цветы, а я на нее. Не могу произнести ни слова. Пора спастись бегством, но не могу двинуться с места. Лена тоже молчит. Цветы взяла аккуратно, держит бережно. Как же я люблю ее и в этот момент и вообще! Люблю ее больше жизни! Какие же у нее глаза! Сейчас особенно! В коридоре меня уже заприметили. Нужно идти, а то начнут приставать к Лене, подумают, что ее выходной закончился. Пока она думает, куда поставить цветы, ухожу. И как это Инка пропустила такое событие, аж жалко ее.

Перед тем как идти к Светлане в отряд и искать Надю, выхожу на улицу. У Лены еще горит свет. Пойду, когда погаснет. Осталось два дня. Через два дня все, включая вожатых, уезжают домой. Наша группа остается, в запасе у нас еще четыре дня. Но с Леной только два! Мысль о том, что все это когда-нибудь закончится, за все это время ни разу не приходила мне в голову. Я и сейчас не до конца это осознаю. Умом вроде бы понимаю, но кажется, что это неправда, этого не произойдет, она не уедет. По этой причине сегодня я собираюсь гулять, чтобы не думать! Я отказываюсь об этом думать! Буду гулять с Надей и ее родителями, приду к Свете в отряд, буду играть на гитаре и пить вино, буду играть в «мафию» и во что угодно, буду купаться. Лишь бы не думать, ни о чем не думать. Нужно только дождаться рассвета, и все будет, как прежде. Лена уже вернулась, она разбудит нас, поведет на зарядку, в столовую и на море. Все будет, как всегда. Взойдет солнце, начнется новый день.

Надя обрадовалась мне и ни о чем не стала спрашивать. За сегодня она успела побывать с родителями на пляже, они купались, пообедали в кафе, ужинали в пансионате и теперь собирались на вечернюю прогулку. Мне же хотелось вернуться обратно и сидеть у Лены под дверью до самого утра. Никуда не хочу, ничего не хочу, только к ней. Вид у меня отрешенный, растерянный. Мама Нади поинтересовалась, все ли со мной в порядке. Говорю, что все хорошо. И это правда, пока Лена здесь, все замечательно.

Утро началось славно, с Лены. Тревожные мысли, которые мучили вчера, сегодня отступили. Лена выглядит отдохнувшей, веселой. Мы идем на завтрак и на море, я все время с ней, возле нее и даже во время купания. Все выглядит как обычный день, на самом же деле это последний полный день ее пребывания в лагере. Завтра они уезжают.

Когда мы возвращались из столовой, за теннисным столом кто-то играл. Лена предложила мне остаться. С женщиной, которая уступила мне свою ракетку, они знакомы. Пока я разыгрываюсь с ее мужем, они с Леной о чем-то говорят. Потом Лена ушла. Игра в разгаре. Женщина присела на лавочку с книгой, но не читает, а ведет счет. Приятная. Они живут где-то по соседству с семейством Хиври. Всегда здороваются с Леной и ходят в нашу столовую. Мы виделись и раньше. Это время суток для игры весьма подходящее, кустарники вокруг образуют тень. Мой соперник — отличный игрок. Темп нарастает, мой азарт тоже. Я всецело отдаюсь игре, бьюсь, будто не на жизнь, а на смерть. Не знаю, что на меня нашло. Женщина улыбается, наблюдает. Предлагаю ей ракетку, отказывается. Тогда я продолжаю. Двенадцать длинных партий, шли ноздря в ноздю, и ничья. На этом мой соперник предлагает остановиться, и мы жмем друг другу руки. Обессиленные, с каплями пота на лбу падаем на лавочку. Он меня хвалит. К нам выходит Лена. Пока отряд строится, они снова о чем-то говорят с этой женщиной. А мне так радостно видеть Лену!

Тихий час пролетел незаметно. Или он закончился раньше. Как оказалось, перед полдником запланировано групповое фото. Лена отправляет меня переодеться, просит надеть что-нибудь нарядное. Придется искать рубашку. Все на месте, эта женщина тоже с нами. Она руководитель Лены. Так вот откуда она меня знает и почему за мной наблюдала во время игры, ей Лена обо мне рассказывала. Но что?! Выстраиваемся в три ряда. Первые два вприсядку. Последний, третий, стоя. В нем Лена. Ее руководитель уступила мне место рядом с Леной, но между нами влезла Инка. В результате я стою между ней и этой женщиной. Кто-то пытается шутить, всем весело, мне не очень. Меньше всего думаю о фото. Кто-то кричит «лопата». Снято. Фотографии будут готовы завтра утром. Делаю вид, что они мне не нужны, и от заказа отказываюсь. На самом же деле у меня почти не осталось денег. А на то, что осталось, я собираюсь еще что-нибудь купить Лене, что-нибудь в дорогу.

Мы снова на море. Сегодня дольше обычного. Солнце почти зашло. Пора возвращаться в лагерь, скоро ужин. Переодеться не успеваем, сразу в столовую. На пляже Лена лаком для ногтей разрисовывала морские камешки и дарила каждому, на память. И мне подарила. На моем парусник в море, чайки и оранжевое солнце. Для меня это чрезвычайно ценный подарок, но виду не подаю. Целый день демонстрирую полное безразличие ко всему, что происходит. Это моя защитная реакция. Только так я могу скрыть то, что чувствую на самом деле. Все это время я будто пытаюсь удержать что-то внутри себя, держу изо всех сил, не знаю, что это, но оно вот-вот вырвется наружу. И словно ком стоит в горле. При этом стараюсь держаться гордо и независимо. Поэтому, когда Лена собирается вручить мне свой подарок, я снова совершаю глупость — разворачиваюсь и ухожу. Она, наверное, обиделась. Это случилось не потому, что я не хочу ее подарка! Это потому что мое нервное напряжение достигло предела. Еще чуть-чуть, и из меня хлынули бы эмоции, отчаяние, слезы. А этого допустить никак нельзя. Только не при ней. Пусть лучше думает, что мне все равно. Остальные рассматривают свои камни, а я брожу вдоль берега туда-обратно, тем самым себя же и наказываю. Имитирую напыщенного гордого павлина, а на самом деле я всего лишь подбитая чайка.

Никаких королевских ночей, дискотеки до утра и похода на море. Вечер проходит ровно. Обычный вечер. Будто так и должно быть. Лена у себя. Не выходит. Я уже раз пятый для виду с полотенцем через плечо прохожу мимо ее двери. Все тихо. Свет горит. Но Лены не видно.

Блудные дети вернулись в лагерь. Наши киевские перестали ходить туда, куда ходили каждый вечер. Надя тоже уже на месте, вернулась из пансионата. Все в сборе. Мы-то еще здесь остаемся. Ванька из Феодосии, он с нашей Леськой до конца, так они договорились. Численностью компания поубавится, пожалуй, только на Наташу. Похоже, что болезненное и невыносимое завтра ждет только меня.

Глава 14

Сборы с самого утра. Все на чемоданах. Ни зарядки, ни пляжа. Только прием пищи по расписанию. Во сколько придут автобусы, никто точно не знает. Должны в обед. А меня уже переселили из корпуса в домик. Моя сумка уже там. Мне хотелось этого в самом начале, еще до встречи с Леной, но совершенно не хочется теперь! Как все может измениться, кто бы мог подумать. Но это уже произошло. Ничего не поделаешь. Теперь у меня вроде как и предлога нет подняться на наш этаж. Но все равно поднимаюсь. Белье сдано, матрасы свернуты — единственный признак обжитого помещения. Так просто. И так быстро. Раз и нет ничего. Вместо кровати металлические ножки с пружинной перекладиной поперек. Уже этой ночью мне предстоит спать в другом месте. И проснусь я уже без нее. И мне нужно будет здесь как-то просуществовать. Я не увижу ее утром и не увижу за завтраком. А на пляже она не будет, всматриваясь в морскую даль и жмурясь от солнца, стоять по щиколотку в воде. Не подойдет и не спросит, почему не купаюсь, не отправит под навес, не возьмет за руку по дороге в лагерь. Ее не будет здесь в эту ночь, и в следующую. И вообще ее здесь больше не будет.

Наконец-то Лена вышла из своей комнаты, спустилась вниз, ждет Ирку. Они собираются на море. Вдвоем, ненадолго, туда-обратно, только бросят в воду по монетке. Не буду им мешать. Смотрю ей вслед. Лена идет по той же дорожке, что и всегда. От корпуса вдоль клумб, минуя площадку и летний кинотеатр, и исчезает из поля зрения. Стараюсь напустить на себя еще более беспечный вид. Не знаю, выходит ли. Пока что Лена этому верит. Получается, она была права и актерский талант у меня все же есть. Сил на это пока хватает, потому что я все еще не верю, что момент, когда я останусь здесь без нее, действительно наступит. Не искать ее глазами каждую секунду, не ждать ее появления, не растворяться в ее голосе и своем желании, не тонуть во взгляде, как это?! Я уже не помню!

Они и правда быстро вернулись. По лестнице то и дело кто-то спускается или поднимается. Все бегают, суетятся, напоминает муравейник. Ирка тоже взволнована. А Лена спокойна. Или так только кажется. Быть может, так проявляется ее грусть. Я этого не знаю. Они вместе приехали, теперь вместе уезжают. Практика окончена, это их, выпускников, должно радовать. Никаких больше детей, расписаний и ответственности.

Для тех, кто уезжает, обед перенесли на час раньше. Для вожатых тоже. За воротами замаячил первый автобус марки «Икарус». Лена идет в столовую, и я тоже туда зачем-то иду. Наши на море. Обед для нас, как обычно. У них жизнь продолжается. Девчонки со Светой уже попрощались, на случай если не застанут, когда вернутся с пляжа. В столовой неразбериха полная. Все перемешалось, сидят не по отрядам, занимать можно любые свободные места. Мое место занято, и Лена уже не на своем. Она меня не видит. О еде и думать не могу. Снова этот ком в горле, и немного кружится голова. Выхожу на улицу. Моя лавочка занята, на ней чьи-то сумки, чемоданы. Не знаю, куда себя деть. Иду куда глаза глядят.

Первый автобус уже отправился. Подъехал следующий. Вожатые свои вещи еще не выносили. Поезд у них из Феодосии вечером. Так что они в очереди последние. Время еще есть. Оглядываюсь по сторонам. Набережная. К черту гордость, к черту страх показать свою слабость, бегу назад. Снова перешагиваю через несколько ступенек сразу. Что скажу ей, еще не знаю. Но говорить ничего и не пришлось. Дверь открыта. Мои розы все еще стоят на подоконнике. Она их оставила, не выбросила. Ее дорожная сумка на кровати. Лена как раз собиралась застегивать молнию. Увидев меня, она отложила это занятие и сказала, что сейчас ко мне выйдет.

Спиной прижимаюсь к прохладной стенке в пустом и темном коридоре. Для меня ничего не изменилось, Лена в комнате и сейчас ко мне выйдет! В который раз предательски сбилось дыхание. Прижимаю к стене и ладони, чувствую ее шершавую поверхность. Это немного успо-

каивает, но совсем чуть-чуть. Прошлым вечером после цветов было еще кое-что. Чуть позже Лена застала меня на лестничной площадке с полулитровой бутылкой яблочного вина. Как она у меня оказалась и зачем мне нужно было приносить ее в отряд, я не помню. Думаю, пункт назначения был другим. Но я помню, как вышла Лена, взяла этот сосуд у меня из рук и открыла крышечку. То, что там алкоголь было ясно, от меня разило за километр. От ударившего ей в нос запаха брожения Лена лишь поморщилась, закрутила крышечку обратно и вернула мне. Посоветовала больше не пить. Но это был точно не последний мой визит в отряд в тот вечер, в ту ночь. Пьяными были все, даже Света. Еще помню, как мы говорили с ней о Лене, как говорю ей, что люблю ее. Света понимающе кивала и поддерживала. И еще помню, как прошу ее привести Лену к нам. На что Света снова понимающе кивает, поддерживает. Говорит, что пойдет за Леной после песни. В который раз исполняю песню, одну и ту же, как им не надоело? А затем я оказываюсь под дверью своей вожатой. Черный вход все еще был открыт для меня. Но потом Лена его, наверное, закрыла, потому что меня разбудил стук и голоса. Это пришли за мной. Света и еще одна вожатая пришли будить меня и стучали в дверь. Разбудили Лену. Как оказалось, мы договаривались на рассвете идти за виноградом. А я якобы знаю места, где можно его рвать без риска наткнуться на сторожа. Я-то, конечно, знаю, но только в теории! Мне ребята из «Солнечного» рассказывали. И откуда они знают, что я знаю? В это время Лена стояла в коридоре и смотрела на нас сонными глазами. Впервые вижу ее сонной. Это мило. Нужно будет купить ей в дорогу отменного крымского винограда! Скажу, что это с виноградников.

Через открытую дверь слышу, как Лена говорит Ирке, что скоро вернется, а уже в следующую секунду она держит меня за руку, и мы направляемся к выходу. Лена ничего не говорит, и я не знаю, куда мы идем. Спускаемся по лестнице.

Глава 15

Внизу никого. Было полно народу, и вот уже никого. Это настоящая удача! Аллея пуста. Так бывало днем, когда все отправлялись на пляж. Лена осматривается и садится на цементный парапет. Его стенки шершавые по бокам и выглядят, как мелкая рябь на воде. Он здесь сразу же у входа. Я сажусь рядом. Мне безумно хочется смотреть на нее, но вместо этого я вжимаю голову в плечи, опускаю ее, сутулюсь, и не смотрю. Но при этом улавливаю каждое ее движение, фиксирую каждый момент, даже слышу ее дыхание. И свое тоже слышу. А в голове проносится — она рядом, прямо сейчас она здесь, она все еще рядом!

— Ты так интересно сидишь.

Я смотрю себе под ноги. И правда, интересно, потому что опираюсь на руки, при этом колени мои приподняты, земли касаются только пальцы стоп.

— После обеда пойдешь на море?

— Не знаю.

— Ответ неправильный. Осталось пару дней всего. От меня отдохнешь, позагораешь. И в столовую ходи, пожалуйста, питайся нормально, без этих своих хот-догов, да? Ты меня слышишь?

— Да.

— Вот и молодец. В общем, веди себя хорошо, чтобы я не волновалась, ладно?

Я хочу ответить, но не могу.

— До автобуса проводишь меня или пойдешь уже?

Господи! Да куда я пойду?! Как Лена может такое спрашивать и так думать?! Но вместо этого я зачем-то говорю, что пойду уже. И даже поднимаюсь со своего места. Она тоже собирается уйти.

— Ладно, тогда на случай если мы уже не увидимся, держи, — что-то кладет мне в руку, — обещай, что сейчас смотреть не будешь, хорошо? Прочтешь после моего отъезда. — По-прежнему не глядя на Лену, киваю. В руке у меня небольшой клочок бумаги, сложенный пополам. — Честное слово? — говорить не могу, снова киваю. Она отпустила мою руку и ушла.

В голове какая-то путаница, ничего не соображаю. Все как в тумане и прокручивается, словно в замедленной съемке. Так бывает иногда перед падением. Ты даже видишь его траекторию, а уже потом падаешь. Все еще боюсь поднять голову и понять, что она ушла. Может, если я этого не вижу, то этого и нет? Так делают маленькие дети, они закрывают глаза руками и думают, что если они никого не видят, то и их тоже не видно. Здесь немного по-другому, но принцип тот же. У меня была возможность во всем ей признаться, обо всем сказать, а вместо этого я лишь молчу и киваю головой! Не этого мне хотелось! Совсем не этого! Только не молчать! Припасть к ней хотелось, признаться в любви, руки ее целовать хотелось и молить не уезжать, не бросать меня здесь! Как бы это выглядело, на что было бы похоже? Да плевать! Я люблю ее, вот что главное. Все из-за этого чертового кома в горле. Растет, словно снежный. И на виски давит. Вся голова словно зажата в тиски. Так уже было один раз, когда Лена обиделась на меня. Но сейчас посильнее будет. Сажу на парапете. Мои стопы в том же положении. Сильно напряжены мышцы голеней и рук. Теперь сдавливает и грудную клетку. Нужно глубоко вдохнуть. Но не выходит. Хочется плакать. Еле сдерживаюсь. Хорошо, что никого нет рядом. Может, прочесть, что там в записке? Пожалуй, не буду, с Леной я так поступить не могу. Слово, значит, слово. Нужно уйти отсюда куда-нибудь, пока никто не видит. Ничто во мне не готово к расставанию с ней.

На базаре все, как обычно, людей меньше не стало. Торговля идет полным ходом. Покупатели пробуют, платят и потребляют тут же на ходу. Продавцы не устают отпускать товар. Они готовы делать это круглосуточно. Ненавижу их всех. Жизнь не остановилась, продолжается.

Виноград куплю на обратном пути. Не сейчас. Ничего не изменилось и на пляже. Этих всех людей я тоже ненавижу. Они никуда не делись. Уезжает Лена, а они нет. Их рыхлые тела, тлея на солнцепеке, разбросаны вдоль всего берега. Даже загорелые выглядят не очень. Они будут здесь и завтра, и послезавтра, и потом. Но никто из них на Лену не похож. Теперь и купание в море выглядит странно. Маленькие человеческие тельца плещутся у самого края голубого простора. И это делает их мелкими и беспомощными. Сегодня все иначе и не имеет никакого смысла. А они, все они всегда здесь были, есть и будут. Только Лена уедет. Подхожу к воде. Мне всегда нравилось смотреть на воду, меня это успокаивало. А теперь только раздражает. Все вокруг ненавижу. И находиться здесь больше не могу, на море смотреть не могу. Без нее оно мне не нужно. Что я вообще здесь делаю?! Не знаю, сколько времени прошло, может, пять минут, а может, час. Что если она уехала... Бегу так быстро, как только возможно. Все нормально! С чемоданами под корпусом стоит Света и другие. Значит и Лена еще здесь.

Молча беру у нее сумку. У меня словно открылось второе дыхание. Все, чего мне хотелось, это чтобы она оказалась рядом. И вот она рядом! А я как младенец, который долго не может без любимого запаха материнской груди и успокаивается, лишь почувствовав его вновь.

Все в сборе. Показался автобус. У меня даже получилось при этом зачем-то улыбнуться. Сейчас она уедет в какую-то другую свою жизнь. Позови она меня с собой, последую за ней, хоть на край земли, не мешкая ни секунды. Всего за две недели все эти кипарисы, подстриженные кусты и аккуратные клумбы успели стать единственно реальным местом для меня. О своей прошлой жизни я уже ничего не помню.

Раньше мне казалось, что моя квартира, двор и школа это и есть целый мир. Оказалось, что нет. Существует бесчисленное количество других домов, улиц, школьных дворов, а еще лагерей. Это стало поразительным открытием. Но каждое такое новое место в результате сулит разлуку. Мне уже пришлось распрощаться с ребятами из Риги. Теперь предстояло расстаться с Леной из Минска. Лето — это маленькая жизнь. Одна сменяет другую. Обычное дело. Только на этот раз я этого не принимаю и не смирюсь. Она такая одна. Других нет. И не будет. И мне было известно об этом с самого начала, как только она появилась на пороге, в самую первую секунду. И на этот раз речь не о друзьях, которые у меня еще будут, а о ком-то намного более важном и значимом, уникальном и единственном.

Подросли Ольга и Надя. Пришли, как и обещали. Обнялись со Светой, а еще Надя обняла Лену. Пока они там произносят положенные в таких случаях слова, чего я не умею, ставлю сумку Лены в багажное отделение и прислоняю ее к левой боковой стенке, поглубже, чтобы на нее не навалили остальные сумки. Двери кабины открыты, усач-водитель перекусывает бутербродом. Здравуюсь. Не помню, что именно говорю ему, но кивком он дает добро проехать с ними до поворота. Уговорить его помогла Света. Лена не слышала. Я прохожу в салон и занимаю место. Из окна вижу, как Лена смотрит по сторонам, оглядывается, затем заходит в автобус.

Она у окошка. Я рядом. Потом Лена, наверное, переседет к Ирке. А может, и нет. Места в автобусе есть. Когда на часах, встроенных в верхнюю панель кабины, замигали зеленые цифры 13:34, двери плавно закрылись, и автобус тронулся с места. Провожających совсем немного, пару человек всего, и они там снаружи, с другой стороны. Отсчет начался. Сколько мне осталось? Минут пять? Чуть больше? Лена все переживает, что мне будет далеко возвращаться, и еще раз берет с меня слово, что я буду умницей. Перед поворотом усач притормозил. Как же быстро мы доехали. Пешком было бы гораздо дольше. Из автобуса выхожу быстро, чтобы никого не задерживать. И делаю это так, как если бы это был какой-то обычный автобус. Из окон мне машут. Лиц не различаю, наверное, это Света и еще кто-то. Знаю только, что не Лена. Нахожу в себе силы улыбаться, машу в ответ. Играть мне сложно только перед ней.

Транспортное средство уж давно скрылось из виду, а я все стою на обочине. Идти хочется вперед, за автобусом, но не назад. Какое-то время так и происходит, тело движется само по

инерции туда, куда устремлен взгляд. А потом я долго стою на месте. И пока я здесь стою, все еще надеюсь обнаружить Лену на территории, как раньше.

Глава 16

Все самое ужасное началось по возвращении. Лены на территории, конечно же, не оказалось. Иллюзии рассеялись, пришло осознание. Не лагерь, а минное поле. Меня ранило все вокруг, клумба и флашток, парапет и лестница, здание столовой и лавочки, теннисный стол, беседка и ворота. Да абсолютно все! Все здесь связано с ней и пропитано ею. Корпус еще открыт, но совершенно пуст. То ли решив искромсать себе душу вконец, то ли окончательно утратив связь с реальностью, поднимаюсь на наш этаж. Сколько раз мне довелось пробежать по этой лестнице, пролет за пролетом в безграничном нетерпении. Вот и теперь... Кажется, что сейчас увижу ее, сидит и ждет меня в своей комнате и никуда не уезжала. Одна, без Ирки. А если ее там не окажется, значит, она на пляже, нежится на солнышке или плавает, и я обязательно отыщу ее. А еще можно ждать ее здесь, пока не вернется. А когда она вернется, обязательно возьмет меня за руку, и мы отправимся гулять. Конечно же, по набережной. Постойм на пирсе, как любит Лена, затем присядем на песке поближе к воде. Только мы вдвоем, и станем смотреть вдаль. Вслух я не произнесу ни слова, но она услышит каждое. Уйдем ближе к вечеру, когда зайдет солнце и когда проголодаемся. Но не в лагерь, нет. Мы будем гулять, сколько вздумается, пока не надоест. Обязательно зайдём в кафе и пройдемся по округе, поднимемся на гору и только потом вернемся в лагерь. Корпус в прошлом. Лена будет жить с нами, с нашей группой в домике. И мы не будем спать до утра. Расставаться с ней не придется даже ночью.

Никого. Ни души. Пусто. В ее комнате на подоконнике лишь розы. Не подвели меня, цветок к цветку, бутоны словно литые. Такими их видела Лена. Это хорошо. Помню ее глаза, когда она смотрела то на цветы, то на меня. Хочется переживать это снова и снова. Что сделать, чтобы опять очутиться в этом взгляде и задержаться в нем навсегда? Что?!

Все еще не верится. Сейчас она бесшумно подойдет сзади, тронет за плечо и спросит, что я здесь делаю. Я тут же обниму ее, моментально. И она обнимет меня. Как тогда, когда она вернулась из Феодосии. Оглядываюсь. Никого. Выглядит, наверное, нелепо — стою посреди пустой комнаты, пялюсь на цветы и жду того, чего быть не может. Но с места не двинусь. Снаружи пугающий и ненужный мне мир. В темном коридоре убийственная тишина. А здесь хорошо. В комнате светло. Она все еще хранит ее тепло. В ней мне спокойно. Мне хочется быть здесь.

Записка! Лена же оставила мне записку! И я уже могу ее прочесть. Большим и указательным пальцами выдергиваю из кармана сложенный листик. Мне безумно хочется узнать, что в нем. Но мое волнение настолько сильное, что граничит с самым настоящим страхом. Я не знаю, что будет происходить дальше. Сейчас я дорожу этой запиской больше всего на свете. Это единственная с ней связь и мой спасательный круг. Она написала что-то для меня своей собственной рукой. И слова эти в записке предназначены только мне. Во что бы то ни стало нужно выяснить, о чем они. Что я рассчитываю там увидеть? Что-нибудь свидетельствующее о том, что Лене известно о моих к ней чувствах. Что, несмотря на полное свое неумение их выражать, она их считала. Если бы она только знала, что значит для меня! Но, скорее всего, она не знает. Поведение мое при ней, к сожалению, говорило, скорее, об обратном. Смогла же она подумать, что пойти на море для меня может быть важнее, чем проводить ее?! Мне и так сейчас плохо, если я буду и дальше об этом думать...

Записка передо мной. У меня дрожат руки. Лучше сделаю это сидя. На ее кровати. Сажусь на нее, не на пружины, на перекладину, на самый краешек, медленно, осторожно. Беззвучно не получилось, подвела одна из ножек, кажется та, что ближе к тумбочке. Неровная. Из-за этого кровать тут же перевалилась на одну из сторон. Под ножку следовало бы подложить газету, тогда кровать не шаталась бы. Теперь уж неважно. Спать на ней будет кто-нибудь другой в следующем году, и это будет не она.

В глазах стоят слезы и не дают мне сконцентрировать взгляд. Слова расплываются. Сначала вижу только синие чернила на белом фоне. Отмечаю, что у Лены красивый почерк. А что, были сомнения? Конечно же, у нее красивый почерк! Другого и быть не может. Аккуратный. Чернила светлые. Интересно, Лена писала своей ручкой или одолжила у своей Ирки? Думаю, это ее ручка, знаю, что ее. Потому что чернила Ирки были бы темно-синими. А эти голубые, как ее глаза. Листик был выдран из какого-то ежедневника, озаглавлен декабром и расчерчен пунктирными линиями в два столбика. Каждая пронумерована. В первом столбике числа от трех до девяти. Во втором от десяти до шестнадцати. Если Лена и вырвала страницу из Иркиного ежедневника, то так той и надо. Это уже не ее листик, потому что его касалась рука Лены. Пора уже прочесть.

Заинька! почаще улыбайся, тебе улыбка очень идет. Не потеряй свою яркую индивидуальность. Будешь в Минске, заходи в гости. П. Глебки, 110—71. Вожатая Лена.

Слово «Заинька» и восклицательный знак ярче, чем все остальное. Слезы брызнули из моих глаз, и их уже не остановить. Плач душит меня. Все еще пытаюсь сдержать его хоть как-то, но не могу. Все равно никто меня здесь не услышит. Но это же комната Лены! И здесь ее цветы. А я сижу перед ними и реву. Как-то неудобно. Понимаю, что это первые в моей жизни настоящие слезы. На то, чтобы думать и понимать что-либо еще, у меня больше не осталось никаких сил. Хочется нажать какой-нибудь выключатель, чтобы свет в моей голове погас, чтобы сразу наступила тьма и не было больше ни одной мысли. И как только у меня хватило сил добрести сюда, а не разрыдаться прямо на дороге, не знаю. И как же долго мне пришлось держать все это в себе!

Она была здесь еще только сегодня, в этой самой комнате. А кажется, что с тех пор прошло неисчислимое количество времени, целая вечность. Этим утром Лена проснулась в этой кровати. Еще в обед ее сумка стояла на этих самых пружинах, на которых я сейчас сижу. И еще только сегодня она держала меня за руку! У нее мягкая и теплая ладонь. Чем больше и ярче мне вспоминались детали, тем сильнее становилась обида на весь мир. Но я ничего не могу поделать, воспоминания, словно слайды, сменяются одно другим. И каждое выворачивает душу наизнанку. Процесс этот я не контролирую. Боль от несказанных слов, невысказанных чувств. Сожаление об утраченной возможности. Накатывает и накатывает. Так я никогда не успокоюсь.

Сквозь сон слышу свое имя где-то вдалеке. Его выкрикивают разные голоса. Что-то металлическое впилося мне в щеку. Открываю глаза, пытаюсь поднять голову. Не получается. Волосы на висках мокрые и их что-то держит. Это пружина, и в щеку впилась тоже она. Я все еще в ее комнате на ее кровати. Уже вечер. Солнце зашло. Чувства мои притуплены. Их острота возвращается постепенно, как боль после анестезии. Не шевелюсь. Прислушиваюсь. Голоса стихли. Лежу спиной к двери. Наверное, так просыпалась и Лена. В комнате полумрак, но при этом хорошо различима каждая деталь. Боковым зрением вижу желтое пятно. Знаю, что это цветы. Боюсь на них смотреть и специально не смотрю. Я боюсь начать чувствовать то же, что раньше, пару часов назад. Кажется, если я пошевелюсь, все вернется и нахлынет вновь. Пошевелиться все равно придется, потому что затекли ноги и рука. Пытаюсь их выпрямить. Переворачиваюсь на спину, теперь пружины впиваются в нее. Смотрю в потолок. Фанера выкрашена белым, неравномерно, мазками. Я вижу это даже в темноте. Осознание того, что Лена уехала, возвращается. Записка! Я помню каждое слово! Господи! И тут же капелька пробежала по виску и скатилась прямо в ухо. Стало щекотно. Что мне теперь делать? Как мне встать и выйти из этой комнаты, как пройти по пустому коридору? Как выйти наружу и вдохнуть пьянящий запах лета, которое еще не закончилось? Как мне справиться со всем, что я увижу и почувствую дальше? Быть может, корпус уже закрыли? Было бы хорошо. Я не хочу выходить отсюда никогда. Я не хочу никого видеть и ни с кем не хочу говорить. И мне страшно.

Территория лагеря опустела. Завтра приедут поляки. Так нам сказали накануне. Фонари вдоль аллеи включены. Корпус так закрыли. Поэтому никто меня в нем и не искал. Лезть через балкон мне не впервой. На первом этаже он прикрыт кипарисами, и это хорошо. Никто не заметит, откуда именно я появлюсь.

О чем они все галдят?! Наперебой! Причем здесь ужин?! Первый вечер в этом лагере без Лены. Лучше бы сказали, как пережить его. Похоже, они долго меня искали, сама Хивря прибежала. Ответственность за меня теперь несет она, снова. Она часто повторяет это слово — «ответственность». Остального я не слышу и ни на один ее вопрос не отвечаю. Хочу только одного, чтобы меня оставили в покое. У меня есть комната в домике. Как можно скорее мне нужно до нее добраться.

Окна нараспашку, и я слышу каждый звук. В лагере жизнь продолжается, ребята играют в футбол. И мальчики, и девочки. Наша группа снова объединилась. Так могло быть с самого начала, если бы нас не разъединили. Слышу удары по мячу и возгласы. По ним можно определить удачный мяч или нет, кто выигрывает и кто с кем в какой команде. Дело не в футболе, а в симпатиях, отношениях. Море и пляж. Вечер и игра. Продолжение игры. Бегаю по полю, у парней имеется возможность продолжить красоваться своей физической формой, а у девушек показать свои симпатии и предпочтения уже явно. Энергия тел, которую необходимо выплеснуть. Этот вечер похож на один из вечеров в Юрмале. Исчезла система, остались мы друг у друга. Никому и ничего не нужно доказывать, демонстрировать, все за одно и все одно. Сознательность и доверие — взрослость. А еще мы из одного города.

Традиции рождаются на повторах, которых здесь нет. Из года в год все меняется. Разные города и возраст, другие вожатые. Бессменный только директор, его сыновья, быть может, еще садовник, повара, сторож или водитель автобуса. Не будь в этом лагере Лены, мне бы здесь не понравилось. И тогда это был бы единственный нормальный вечер за всю смену. Природа здесь замечательная. Но в моем возрасте не важно, где, важно, с кем. Сюда не возвращаются. Одноразовый лагерь. В следующем году здесь будет все иначе — другие вожатые, другие дети. Кто-то в кого-то наверняка влюбится, потому что это единственный шанс избежать скуки из-за здешних правил. В Юрмале было одно правило, и заключалось оно в отмене общих правил для первого отряда. Они все равно были, но свои. Единственным недостатком того места было отсутствие там Лены. А здесь она была.

Эти звуки уютного летнего вечера, обычно доставляющие столько удовольствия, сейчас лишь подливают масла в огонь. Слезы льются сами, это в лучшем случае. В худшем, пытаюсь глушить свой рев подушкой. А спустя какое-то время, обессилив, засыпаю. Небольшой перерыв. Но стоит мне открыть глаза, как они снова на мокром месте. Я не понимаю, как мне быть здесь без нее! Я не понимаю, почему я еще здесь! Это какая-то ошибка, сбой в системе. Этого не должно было случиться. Почему только наша группа опоздала на два дня?! Уехали все, кроме нас! Это какая-то шутка, испытание, проверка...

Кто и что подумает, меня не заботит. Все и так уже в курсе, что это со мной из-за Лены. Меня стараются поддержать, приходят, сидят со мной по очереди, подбадривают, уговаривают. Но становится только хуже. Не станет мне легче, не забуду я ничего, не отвлекусь, не переключусь, не увлекусь кем-то другим, и не будет их у меня еще ого сколько! Да как же они не понимают?! После каждого такого их во мне участия меня все дальше уносит от берега. А силы мои на исходе. Пойти на дно кажется спасением. Все разом прекратится. Хочется освободиться. Я больше не могу.

Я не помню, как это вышло. Как-то миновала ночь, а утром меня заставили подняться и вместе со всеми идти в столовую, затем на пляж. В столовую не иду, и на пляж меня привели потом. Нужно было остаться или не нужно было... В данном случае не знаю, что хуже, — оказаться в новом ясном и солнечном дне у моря на пляже или остаться в пустом лагере, где все кричит о ней... А дальше я в воде. Плыву кролем. Все время вперед, не останавливаясь.

Движения ритмичны. Дыхание в такт. Поворот головы — вдох, лицо в воде — выдох. Сколько плыву уже так, не знаю. И кажется, могу так еще долго. На каком я расстоянии от берега, неизвестно. Я об этом не думаю. Внимание мое сосредоточено на вдохе и выдохе, только на них. И я не могу их прервать, сбить, остановить. Только так получается не думать ни о чем другом, не плакать. Только вперед, вдох-выдох, воздух-вода, правая рука, левая рука, расслабление, погружение, прохлада, невесомость, холод, забытие, темнота...

Глава 17

На пляж меня больше не брали, у домика дежурили, еду приносили в комнату. Уезжая, Лена взяла с меня слово, что в оставшиеся дни я отлично проведу время. Похоже, сдержать его у меня не вышло. Теперь меня страшит отъезд. Все здесь связано с ней, напоминает о ней. Когда я уеду, не будет и этого. У меня не останется ничего. Кроме записки. А здесь я все еще будто с ней. Этот клочок земли стал мне дорог. Это странно, но за такой короткий период мне удалось позабыть обо всем: о своем городе, доме, дворе, школе, о родителях и друзьях. Но у меня была та моя жизнь, и раньше она нравилась мне! Вот и теперь будет. Мне предстояло в нее вернуться. Каждое лето заканчивается, закончится и это. В Юрмале мне довелось быть гораздо дольше, не одну смену и не один год. Расставание — это всегда грустно, но со временем все как-то налаживалось. На погрустить в том лагере отводилась целая ночь — королевская. Интересно, почему королевская? Потому что все дозволено или потому что выражать эмоции открыто невиданная роскошь? Думаю и то и другое. Всю ночь мы гуляли, целовались, изредка говорили друг другу слова, танцевали. Во всем этом была грустинка, но чем-то даже приятная. Мы верили, что встретимся в следующем году. Держась за руки, мы встречали рассвет и новый день. И все в нем уже было по-новому. Суматоха, сборы, и в путь. И уже не до грусти. Час сорок три, и они дома в Риге. Мне же еще ночь в поезде. Все просто, не трагично. А здесь, в Крыму, все иначе — города, поезда и навсегда. В этом лагере мне было легко расстаться с каждым без какого-либо сожаления, но только не с Леной. Если бы не она, мне здесь давно наскучило бы, и отъезд, скорее, стал бы событием не печальным, а радостным. В гостях хорошо, а дома лучше, как говорится. Для меня всегда так было. Но Лена все изменила.

Вся наша группа — из одного города. Но зачем мне это?! Мне это безразлично. Ольга, Надя и Леська сдружились. И им, наверное, важно. Вместе приехали, и всю смену неразлучны. Вместе уедут. Могут дружить и дальше. Но, скорее всего, этого не будет. Раз, другой встретятся в кафешке, на этом все и закончится. Так обычно бывает. Расставанию со своим Ванькой Леська только рада. Это курортный роман. Этим он и прекрасен. Ольга и ее студент решат уже по прибытии, продолжать ли отношения. Скорее да, чем нет. Время покажет. А Надя останется здесь еще на неделю с родителями. Но уже договаривается о встрече в Киеве, до которой мне нет никакого дела. Она живет за городом и обещает приехать сразу же, как только вернется.

С некоторых пор мне никто не нужен, ни Надя, ни кто-либо еще. Только Лена. Она единственная может превратить этот ад снова в рай. Ни еда, ни уговоры, ни дорога, ни возвращение домой, ничего! Ее тепло, в котором мне посчастливилось купаться все это время, вот чего мне так не хватает. Желание окунуться, погрузиться в него с головой снова и отсутствие такой возможности сводит с ума. От мысли, что совсем скоро я окажусь дома, мне почему-то становится не по себе. Мне предстоит вернуться к прежней жизни, в которой Лены не было. Так что уезжать, как оказалось, мне не хочется. Несмотря на тяжкие переживания, лишиться всего того, что мне о ней напоминает, я не желаю! Глупо тратить взаперти оставшиеся драгоценные часы. Нужно выбираться наружу. Для этого предстоит обмануть своих стражей. Они добросовестно сменяют один другого. Нужно пойти на хитрость и сделать вид, что уже все хорошо, что я в полном порядке. Но после случившегося, убедить их в этом оказалось сложно. Их только насторожила такая внезапная перемена. Позвали Хиврю. Но я в порядке. Правда, в порядке! Ради того, чтобы еще раз прогуляться по нашим с Леной тропам перед отъездом, я пойду на все, дам любые обещания. Потому что совсем скоро такой возможности у меня уже не будет. А та что-то твердит о своем жизненном опыте, просит ей довериться и смотреть в глаза. Мне это не под силу, смотреть я хочу только в одни глаза, Ленины. Предлагает пойти со мной в кафе и накормить меня чем-нибудь вкусным: шашлыком, пиццей, хот-догами и картошкой-фри. Да как же ей объяснить-то?! Мне нужна наша с Леной столовая, а не кафе и не картошка!

Хочу снова оказаться там, где была она. И я собираюсь запомнить эти места навсегда, запечатлеть, зафиксировать это в своей памяти, записать. Мне просто необходимо еще раз присесть на лавочку перед столовой и снова пройтись по аллее, побывать на пляже и бросить в море монетку, как это сделала Лена. Пришлось пойти на откровенную с Хиврей беседу и согласиться на то, что она будет меня сопровождать. Пусть идет. Лучше так, чем вообще не ходить. Обещаю, что все будет хорошо. Из столовой мне уже приносили обед. Она забрала перочинный нож, который лежал на тумбочке. Все еще не доверяет. Эту ночь она собирается провести в нашем домике. Ломаю ребятам всю малину. Мы почти уже договорились о столовой, о том, что на ужин я пойду самостоятельно, и тут она зачем-то заговорила о Лене! Несколько раз подряд произнесла ее имя, назвала ее очень хорошей вожатой, прекрасной девушкой и сообщила, что у Лены своя жизнь. Будто спустила курок. Эти правдивые, но в данном случае неуместные слова, попали мне прямо в висок. То, что говорить об этом не следовало, она поняла сразу же, но было уже поздно. Чего она только не делала: и трясла меня, и гладила, и пыталась уложить в кровать, и даже ударила по лицу. Теперь она меня отсюда точно не выпустит.

Наши ребята играли в футбол второй вечер подряд. Вчера между собой, сегодня с поляками. О матче договорились в обед. Игра должна была состояться после ужина на поле, которое расположено между корпусом и домиками. Наша команда и их. Окно мое как раз выходит на эту сторону. И это мой шанс. Прислушиваясь к звукам и разговорам снаружи, мне удастся убедить все еще дежурившую возле меня Хиврю, что истерика миновала. Из-за того, что ударила меня, она чувствовала вину и теперь просто обязана была разрешить мне посмотреть матч. То ли во мне уже не осталось сил на слезы и переживания, то ли действительно что-то изменилось. Мне хотелось выбраться из этой комнаты наружу как можно скорее. Заглянула Надя, очень кстати. Вместе мы вышли на улицу.

Все в сборе: и команды, и болельщики. Среди зрителей, устроившихся вдоль игрового поля на траве, на длинной, как у страуса, шее торчит голова Инки. И мне нужно занять место рядом с ней. Инка, Хивря и иностранцы — хорошая компания, ничего не скажешь. У нас в команде не хватает одного игрока, поляков больше. Меня позвали, и, не дожидаясь ничьего разрешения, я в игре.

Как оказалось, на исходе были мои душевные силы, но не физические. Как раз их во мне за все время лежания накопилось с избытком. И я играю так, словно это решающий в моей судьбе матч. Все дело в данном Лене обещании. Его все-таки нужно сдержать. Представляю, что ее балкон — это трибуна, и она с нее за мной наблюдает. В море мне тоже казалось, что она смотрит, как я плыву. Сойдя с дистанции один раз, сделать это во второй раз было недопустимо. Свисток. Начало игры.

В изнеможении падаю на траву. Разодрана правая лодыжка. Только сейчас замечаю и чувствую жжение. Несмотря на подготовку и слаженность команды противника, победа за нами. Целых три мяча мои. Меня поздравляют, кто с возвращением, кто с победой, а кто все еще смотрит с подозрением и даже испугом. Дыхание еще не восстановилось, по лбу и спине катит пот. Ее балкон под самой крышей, крайний справа, если стоять к зданию лицом. Вряд ли такое возможно, но я различаю контур каждого в отдельности цветка на ее подоконнике, даже в темноте.

Теперь мне нужно побыть наедине с этим местом, услышать его тишину и проникнуться одиночеством. Я хочу осознать и запомнить каждое мгновение этого вечера, его запах и атмосферу. Хвойный аромат шишек кипариса, цветов и соленый запах моря. Им дышит моя память. Сегодня я не усну. Со мной все хорошо. Я просто посижу здесь до утра. Я отмотаю пленку назад. Снова окажусь с Леной перед корпусом. Только на этот раз я не буду молчать. Я скажу ей, что не могу без нее жить. Попрошу не уезжать и навсегда остаться здесь со мной. Скажу, что она прекрасна настолько, что мое сердце отказывается меня слушать. Скажу, что мне страшно думать об ее отъезде, потому что я боюсь расплакаться, и тогда мне перед ней будет стыдно.

Скажу, что она главная и неотъемлемая часть этого места и этого лета. Объясню, почему на вопрос, пойду ли я ее провожать, прозвучало «нет» — потому что мне кажется, если я отвечу именно так, то она никуда не уедет. Еще скажу, что уже не помню, кто я и откуда, знаю только, что она мой мир, и это навсегда.

До утра обошлось без происшествий. И в дороге тоже. До самого прибытия меня охранял глубокий сон. На вокзале меня встретили родители, и это был неловкий момент. Нужно было им улыбнуться и что-то сказать. Мне и раньше-то не хотелось ничего рассказывать. А теперь и подавно. И еще предстоял разговор с Хиврей. Но он, к моему счастью, так и не состоялся. Она вручила меня папе с мамой со словами: «Да что б я... еще когда-нибудь... да боже упаси!». Затем развернулась и ушла прочь. Родители переглянулись и еще некоторое время выжидающе на меня смотрели. Затем мы тепло обнялись и все вместе отправились домой. Им эта тетка тоже не особо нравилась.

Книга II

Глава 1

Как только я остаюсь наедине со своими мыслями, мне хочется понять одно: за какие такие заслуги судьба преподнесла мне такой подарок — встречу с ней? Ответа на этот вопрос у меня нет. Божественное землетрясение в моей душе, сильный толчок, и вот я у ног Ее Величества Любви. Это пропасть или небеса? Еще не знаю. От полета я не откажусь ни за что на свете, будь он хоть взлетом, хоть падением.

Мне кажется, что Лена существовала в моем сердце всегда, еще задолго до нашей с ней встречи тем вечером в Крыму, в день нашего прибытия в детский оздоровительный лагерь «Волна». Как только она появилась на пороге комнаты, сразу же, в одно мгновение произошло узнавание. Сомнений быть не могло, я знаю ее из каких-то прошлых жизней.

Лето закончилось, и продолжается жизнь, которая была до знакомства с Леной. Все вернулось на круги своя, как мне и говорили. Вернулось, но ничто не забылось. Я думаю о ней почти все время, каждый день, я засыпаю и просыпаюсь с ее именем. Что я помню? Ее красоту, глаза, руки, голос. Прокручиваю в голове каждое сказанное ею слово. В общей сложности их было немного, она неразговорчива. Со временем мне удалось восстановить дословно все, что она говорила. Чаще всего вспоминается самый первый наш разговор. Я останавливаюсь на каждой его детали и тут же переношусь в то лето и в тот день, когда у меня наконец получилось заговорить с ней. И каждый раз я чувствую головокружение. Помню ее походку, движения, мягкость и нежность голоса, взгляда.

Тайна, привезенная мной из лета. О Лене пока еще никому неизвестно, кроме киевской группы, которая была со мной в лагере. Они-то все в курсе. Но ни мои родители, ни одноклассники, ни друзья ничего об этом не знают. Что стояло за словами нашей сопровождающей, когда она возвращала чадо родителям: «Да что б я... еще когда-нибудь... да боже упаси!» — мама выяснять не стала. Один только раз спросила, что у нас с ней там стряслось? И все, больше не спрашивала.

Записка с адресом, которую Лена вручила мне перед отъездом, хранится в верхнем ящике моего письменного стола, и она бесценна. Я храню ее, словно реликвию. По строкам этой записки я пробегаю каждый вечер перед сном. И каждый вечер аккуратно возвращаю ее на место. Помимо этого клада, у меня еще появился маленький блокнотик, который вдоль и поперек исписан ее именем. Произошло это сразу же по возвращении в Киев. Моим единственным занятием несколько вечеров подряд стало писать ее имя в блокноте. Откуда он у меня, не припомню. Долгое время он валялся в столе без дела. Красный, в клеточку, а на обложке изображен детеныш слона. В день моего возвращения блокнот попался мне под руку.

Время шло, а Лена продолжала являться мне во снах. Это были яркие сновидения, детальные и запоминающиеся, словно кинофильм. В них я каждый раз оказываюсь в совершенно незнакомых местах и разыскиваю ее. А проснувшись, долго еще не могу понять, какой из миров реален: тот, что был во сне, или тот, в котором мне предстоит провести очередной день. Сны — это нереализованные желания. А оно у меня одно-единственное — увидеть Лену снова. Где это случится, когда и случится ли вообще, пока неизвестно...

Старшие выпускные классы. Обязательно нужно кем-то становиться. Нужно решать, чем заниматься в жизни, куда поступать. То и дело слышу этот вопрос. Неужели я буду учиться в университете, как Лена?! Пока все звучит слишком абстрактно. Я не знаю, чем я хочу заниматься. Похоже, что ничем.

Города-миллионники со множеством домов и окон, улиц, дворов, парков и площадей, школ, университетов и других учреждений, дорог и автомагистралей, с огромным количеством людей, его населяющих. В одном из таких городов живет Лена. Возможно, в эту самую минуту она идет по улице, на нее глядят прохожие, а она на них. Или же она шагает быстро, никого вокруг не замечая и думая о чем-то своем. А быть может, она уже дома, в своей комнате или на кухне, пьет чай или читает книгу. Интересно, на каком этаже она живет, в каком доме и как выглядит эта улица из записки?

В общем и целом моя жизнь мне нравилась. Все у меня было в порядке, все устраивало. До этого лета. Привычный для меня мир вернулся, но в нем не было ее. А без нее это уже был совершенно другой мир. Долгое время не хотелось выходить из дому. Закрывшись в своей комнате, мне думалось лучше, включалось воображение и сразу же получалось погрузиться в воспоминания. В предположениях, где она сейчас и с кем, проходили час за часом. Уже стало не так интересно гулять во дворе с друзьями, не хочется вести беседы со школьными приятелями. Вообще ни с кем и ничего не хочется. Если бы она сейчас вошла в мою комнату и взяла меня за руку, как делала в лагере... Но этого не происходит и уже не произойдет. Никогда больше я не пойду с ней в столовую и на пляж, не вернусь с ней вместе на тихий час в корпус, она не будет больше укладывать меня спать и сидеть на краю моей кровати. В лагере существовали правила и точные предписания. Мне нравилось делать вид, что такое мне не по душе. Но на самом деле мне все нравилось, потому что все правила были мне на руку. Все сводилось к одному — слушаться Лену и все время находиться с ней, возле нее, в поле ее зрения. А теперь все не так. У меня появилась свобода, которая совершенно не нужна мне. Ничего не существовало «до» и ничего не существует «после». Всего пятнадцать дней на небольшой территории с одним корпусом и выстриженными клумбами перекрыли все пятнадцать лет моей жизни в огромном городе со всем его разнообразием и удовольствиями! Хотелось вернуться обратно и остаться там с ней навсегда. А на следующий день мне стукнуло шестнадцать.

Ко всему, что составляло мою жизнь до поездки, пришлось привыкать заново. Невысказанные чувства и эмоции рвались наружу, искали выхода, а его не было. То лето и Лена казались то ли сказкой, то ли сном. Записка с ее адресом в Минске — единственное доказательство реальности нашей с ней встречи. До чего же дорог мне этот клочок бумаги! В нем Лена писала о моей улыбке и приглашала в гости. «Если будешь в Минске, заходи в гости». Если! Приглашение, конечно же, было формальностью. Когда Лена это писала, вряд ли могла предположить, что однажды я таки позвоню в ее дверь. Если честно, мне знакомы далеко еще не все районы родного города. Что уже говорить о Минске! Никогда не доводилось там бывать. Какой он этот Минск? Как Киев или другой? Как у них там все устроено? Какие дома, улицы, дворы? Такие же, как у нас, или другие? Вот бы глянуть, ну хоть бы одним глазком.

Глава 2

Решение пришло, откуда не ждали. Хотя мы с мамой ни о чем таком не говорили, о причине всех тех перемен, которые произошли со мной по приезду, она все же догадывалась. А вычислить, кто именно за всем этим стоит, оказалось несложно, потому что только и слышала от меня, что о Лене, да о Минске.

У нас есть дача. Меня отвозили туда каждое лето. Великолепная природа, озера и соседские дети — мои сверстники, но вечно мне не терпелось вернуться в город. А когда мы все же возвращались, проходило несколько дней, и родители отправляли меня на море. Прошел ровно год. Нужно думать о поступлении, и о поездке на море речь не идет. Первые экзамены в школе. И хоть это всего лишь репетиция перед настоящими, вступительными экзаменами в университет, все равно сдать их нужно хорошо. А уже после можно будет подумать и об отдыхе. Пока только дача по выходным.

Приехали, как обычно, рано утром. Машина еще стояла за воротами, а родители уже бродили по огороду, рассматривая, что принялось, а что нет. Маму больше интересовали цветы, а папу — деревья. Участок у нас небольшой, шесть соток. Когда-то здесь были болота, их высушили, разделили на массивы и распределили под дачные участки между сотрудниками различных предприятий. Наш массив называли «Лесная сказка». Это я не люблю дачу, а родители любят и трудятся на ней не покладая рук. От соседей нас отделяет сетка около метра в высоту. Это в соответствии со старыми нормами. Так было положено. Никаких высоких заборов. Правила изменились, а ограда осталась прежней. Просматривалось все со всех сторон. Участок вроде бы твой, но отгородиться от всех на свете и делать, что вздумается, нельзя. И прежде чем заняться своими делами, нужно поздороваться с соседями, перекинуться парой слов. Соседи у нас отличные, родители дружны с ними со всеми. У нас даже лаз есть специальный, чтобы ходить друг к другу в гости.

Все были на месте, и в этот раз разговор с соседкой, дом которой находится ближе всех к озеру, длился дольше обычного. Оказывается, за это время моя милая мама успела договориться с ней о моей поездке в Минск! Как выяснилось, сын наших соседей живет в Минске! Когда мама сообщила мне об этом, хотелось визжать от счастья. Все оказалось настолько просто! Они не видят никаких сложностей в том, чтобы отправить меня к нему в Минск на пару дней. Вот только не в этом году, а в следующем. Условия таковы: я успешно сдаю экзамены в школе, поступаю в университет и в награду за это отправляюсь в Минск. Так и договорились. Впервые в жизни у меня появились причины переживать за учебу. Слишком многое стояло на кону.

Глава 3

Меня посадили на поезд. О Диме мне известно немного. Он женат, работает в банке, живет в военном городке. Дома никого, потому что жена с детьми в санатории. Он отправляет их туда каждый год. Его родители и наши соседи уже связались с ним и обо всем договорились. Он встретит меня на вокзале. Моя первая самостоятельная поездка, вне группы и без всякого сопровождения, самая желанная и самая волнительная.

Прибыли мы без опоздания, точно по расписанию — в восемь тридцать восемь. С собой у меня — только небольшой рюкзак с вещами и целый ящик с банками варенья для Димы от его мамы. Его привезли на вокзал, заплатили проводнику и загрузили в вагон. Дальше мне можно было не беспокоиться, Дима разберется.

Беспокоиться пришлось, потому что меня никто не встретил и ящик с вареньем пришлось выгружать самостоятельно. В конце концов проводник сжалился надо мной и помог. Перрон опустел. Вокруг ни души. И этот проклятый ящик, не оставлять же его здесь! Думать мне хотелось совершенно о другом. Нога моя ступила на землю того самого Минска, название которого вот уже несколько лет подряд было сродни мантре. В этом городе живет она! Но все мои мысли сводились к вопросу о том, что делать дальше?! Адрес Димы у меня записан, а адрес Лены я знаю наизусть. И первым моим порывом было ехать сразу же к ней. Дорогу спрошу у прохожих или куплю карту. Обо всем остальном думать буду потом. Варенья, конечно, жалко, но не настолько, чтобы позабыть о цели своего приезда. Может, сдать ящик в камеру хранения, но для этого мне нужно поменять деньги. Уже целый час, как я в Минске, а перед глазами только перрон и железнодорожные пути! И ничем они не отличаются от наших. Точно такие же. Ощущения, что я в другом городе, в другой стране вроде как и не наступило. Единственным критерием того, что все изменилось, могла служить моя грудная клетка. В ней начались те же процессы, что и два с половиной года назад в лагере. И это вместо тревоги о том, что я в чужом городе, где никого, кроме Лены, не знаю.

Какой-то человек, оглядываясь по сторонам, медленным шагом направляется в мою сторону. Пару раз он подошел к самому краю перрона и заглянул куда-то вдаль, сначала в одну сторону, затем в другую. Выглядел он прилично, и у меня появилась надежда с его помощью избавиться от варенья, которое связывало меня по рукам и ногам. Попрошу его посторожить и побегу в обменник. Он заметил меня, и его шаг ускорился. Затем он назвал меня по имени.

Дима что-то напутал с расписанием. Мы ехали в вагоне метро до конечной без пересадок. Это девять станций. Долго. Мне давно уже не терпится двигаться в направлении своей цели, делать хоть что-нибудь, что приблизит долгожданную встречу с Леной. А пока мы едем к Диме.

Дима предложил позавтракать с дороги и принялся взбивать омлет. Возражения мои были отклонены, но выслушать за завтраком мои планы было обещано. План у меня только один. И я желаю воплотить его в жизнь как можно скорее. Но есть одна проблема. О том, чтобы отпустить меня «в такую даль», как выразился Дмитрий, не могло быть и речи. Благо, что он успел оценить серьезность моих намерений.

Убрав со стола посуду, он разложил карту. Одним кружочком обвел наше местонахождение, а другим кружочком отметил пункт назначения — адрес Лены. Судя по карте, это были разные концы города. Дима на минуту задумался, а затем набрал чей-то номер. В течение часа за нами должен был заехать на машине один его друг. Так что у меня оставалось время на то, чтобы принять душ и привести себя в порядок. Это разумно. Мы с Леной давно не виделись.

Мне казалось, мы никогда не приедем. Друг Дмитрия, Валера, по своей натуре весельчак и все время шутил, но смысл этих шуток почему-то не доходил до моего сознания. Из окна машины можно было осмотреть город, но все проносилось перед глазами, словно в тумане.

Мне все еще не верилось, что я на пути к ней, и уже через какой-нибудь час буду стоять перед дверью ее квартиры. Поэтому и не получалось ни на чем сконцентрироваться.

Уже где-то близко. Валерий остановил машину во дворах возле одной многоэтажки и у прохожих спросил номер. Сердце мое колотилось. Номер тот. Здесь живет Лена. Нужно что-нибудь сказать, хотя бы поблагодарить за то, что довезли, но мне не до разговоров. Ноги несли меня сами. Вдогонку Дима прокричал, что ждет меня здесь. Уедут они лишь после того, как убедятся, что Лена на месте.

Идти не получалось, только бежать. Еле удалось избежать столкновения с женщиной на ступеньках. Вперед и только вперед, никаких остановок. Красный девятиэтажный дом. Подъехали мы к нему с торца. Совершенно не соображая, на каком этаже находится нужная мне квартира, и будучи не в состоянии ждать, пока приедет лифт, несусь вверх по лестнице. Этажи закончились, выше только чердак... и тут перед глазами появился нужный мне номер. Голова кружится. Нужно отдышаться, но ждать больше нет сил.

Лена стояла и смотрела на меня с удивлением. Дыхание мое вместо того, чтобы успокоиться, сбилось окончательно.

— А... как? Что ты здесь делаешь? Я вчера должна была уехать. На море. И билеты уже были.

— Но ты же здесь?

— Здесь. Так в последнюю минуту все переиграли. А если бы уехала? Чего стоишь? Проходи.

Можно было расслабиться и выдохнуть. Она дома. Не уехала. Все нормально, все хорошо. Но не получалось. Нужно еще спуститься и доложить Диме обстановку. А то чего доброго пойдет меня разыскивать. Из моего сбивчивого рассказа про Диму, его друга и машину Лена ничего не поняла. Но сказала, что ждет меня.

Мы сидели на кухне. Лена заваривала чай.

— Ты в своем репертуаре. Я даже представить не могла! А как ты... откуда адрес?

— Из записки.

— Она еще у тебя?

— Конечно!

Глава 4

Лена не изменилась. Разве что похорошела, стала еще красивее. Она снова заботилась обо мне, налила чай, положила сахар. Сказала, что мама уехала на дачу, а папа на работе и будет только к вечеру. Мы в ее квартире, на ее кухне. Это ее территория. И хоть она взрослая и самостоятельная, но тоже чей-то ребенок. В лагере она была нашей родительской фигурой, а здесь она сама дочь своих родителей. И мы уже не в лагере, поблизости нет ее подруги Ирки. И нет рядом этих вечных детей, которые одолевали ее со всех сторон в лагере. Наконец-то она принадлежит только мне.

О завтраке у Димы Лена не желала слышать и заставила меня поесть во второй раз. Затем мы отправились на станцию встречать электричку, на которой должна была вернуться с дачи ее мама. Солнечным летним днем мы шли по улице. Лена чуть впереди, я за ней, как раньше. Важно только то, что она рядом. А в Крыму мы или в Минске не имеет никакого значения.

Электричка прибыла, но мамы в ней не оказалось. Лена сказала, что это ничего, значит, она осталась еще на неделю. Так уже бывало. Мы медленно шли по перрону, и мне казалось, что не было всех этих лет ожидания, будто мы и не расставались вовсе. И снова было забыто все на свете. Пространство «здесь и сейчас» стало единственно реальным для меня. Других мест и городов не существовало.

Лена предложила погостить у нее. В моем распоряжении была отдельная комната. Осталось только забрать у Димы свой рюкзак. И на это пришлось потратить уйму времени. Дима возражать не стал, записал номер своего рабочего телефона и просил звонить в случае чего. Какими же длинными казались станции. Двери то открывались, то закрывались, поезд метро ехал и ехал дальше. Лена подробно объяснила, как добраться, на какой автобус сесть и где он останавливается. Автобуса не было целую вечность. И вот я на месте. Улица, на которой живет Лена, показалась до боли знакомой, будто иду я по ней уже в который раз.

А ведь Лены действительно могло не оказаться дома! Мне повезло. Счастливое стечение обстоятельств. Можно же было написать письмо или дать телеграмму, известить о своих планах. Но такая мысль почему-то не пришла мне в голову. Так принято, но именно этого мне и не хотелось. Тогда уже это был бы не сюрприз. А мне так нравится ее удивлять. Появиться на ее пороге следовало именно так, как это и произошло. Кто не рискует... а Дима для подстраховки. Да что уже об этом думать. Все сложилось как надо. И я люблю ее еще сильнее, чем раньше. На этот раз воспользуюсь лифтом.

Сегодня воскресенье, и мы гуляли по городу. Когда горел красный, Лена брала меня за руку и еще какое-то время не отпускала. С тех пор я люблю светофоры. Мы двигались без какого-либо плана, проходили один квартал за другим, сворачивали в переулки, пока снова не оказались на улице белорусского поэта Петра Глебки. О том, что это поэт, мне сказала Лена.

Глава 5

Выходные прошли. По утрам Лена уходит на работу. Мы уже познакомились с ее папой, Романом Павловичем. Он мне понравился. Хотя Лена предупреждала о некоторых его странностях. Все дело в том, что он ведет здоровый образ жизни, увлекается эзотерикой, занимается йогой, не пользуется лифтом и на работу добирается на велосипеде. Он послушно является на кухню, когда Лена зовет. Аппетит у него отменный. А вот говорил он мало, только по делу.

Пока Лена на работе, мне не остается ничего другого, как бесцельно бродить по городу. Погода отличная, но время тянется мучительно медленно. Кажется, что вечер никогда не наступит. Каждая минута без Лены впустую проведенное время. Нужно было что-нибудь придумать, что-нибудь, что направило бы мою энергию в ее сторону. А пока иду по улице и представляю, как со мной рядом идет Лена. Мы о чем-то болтаем. О всяких пустяках. Но внутри мне тепло, уютно. И где-то в грудной клетке этот трепет. Это то самое состояние, которое было у меня в лагере. Оно вернулось. Снова лето, и снова я с Леной. Улицы как улицы, но в связи с ней это самые замечательные улицы, дома и витрины, лавочки и аллеи, перекрестки и площади — это ее город. В нем она родилась и выросла, в нем она живет. Несмотря на все это, с нетерпением жду вечера, жду, когда Лена вернется с работы. Желая, чтобы это произошло как можно скорее. В лагере мне пришлось ждать Лену только один день. Это когда она взяла отгул и уехала с Иркой в Феодосию. А теперь я жду ее каждый день. Но это лучше, чем не ждать вообще. К тому же с работы она вернется ко мне, а не к целому отряду детей. Мы договорились встретиться в парке в пять. Смотрю на часы — три, а я уже на месте. Еще два часа. Никуда не пойду, буду здесь.

Лена появилась точно в назначенное время. Она шла по аллее, а солнечные лучи пробивались сквозь деревья и, прикасаясь, указывали прямо на нее. Она была настолько прекрасна, что ради одного этого момента стоило ждать годы, ехать сотни километров и целыми днями с утра до вечера бродить по городу. Она шла мне навстречу.

Лена спросила, как прошел мой день. Хотелось ответить, что без нее он прошел томительно и одиноко. Но она здесь, и значит, уже все хорошо. Лена обращалась со мной, как с ребенком. Мы шли по проспекту, и она купила мне «Спрайт». Спорить было бесполезно. С одной стороны, мне это нравилось, но с другой — она строго-настрого запретила мне тратить на нее деньги. А это значит, ни в кафе пригласить, ни подарков, ни цветов, ничего! Таковы ее условия. А это мне уже не нравится. Продолжив путь, мы оказались на набережной. Река Свислочь. Позади гремят аттракционы. Когда-то мы с ней вместе вот так же были у моря, теперь у реки, но какая разница — Лена и есть мое море.

Время уже не тянулось, а летело как угорелое. Не успели мы встретиться, как стемнело. Пора возвращаться домой. Вот бы это никогда не заканчивалось! Смотреть Лене в глаза у меня все еще не получалось, но очень хотелось, долго и не отрываясь. От ее взгляда меня тут же бросало в жар, и казалось, что это заметно и ей, и всем окружающим. Приходилось то и дело отводить глаза. Но это ничего не меняло. Ее близость ощущалась каждой клеточкой моего тела. Я и так знаю, что движения ее и жесты изящны. А голос, он льется, словно музыка. Для того чтобы видеть ее красоту, чувствовать тепло и улавливать исходящую от нее нежность, вовсе не нужно смотреть. Хотя и смотреть на нее мне очень хочется. Только ее присутствие погружает меня в состояние умиротворенности и полнейшего удовлетворения обустройством этого мира.

Мы уже не в лагере, и Лена не моя вожатая, но я снова под ее крылом. Взяв меня к себе, она же несет за меня ответственность. Я не против. Несмотря на ее запрет, я все же буду искать такой подарок, от которого Лена не сможет отказаться. Отличная цель, и время буду проводить не впустую. Денег у меня достаточно. Мне родители дали. А иначе, какой в них смысл? Если отыщется что-нибудь стоящее, вручу перед самым отъездом.

Теперь я долго рассматриваю витрины. Пока идей никаких. Не представляю, что бы это могло быть, даже приблизительно. Но однозначно что-нибудь запоминающееся. Так как я живу в ее квартире, каждый день выбираю для Лены фрукты, шоколад, мороженое, торт или пирожные, и тогда стрелки часов двигаются быстрее. Но каждый вечер она меня за это отчитывает и берет обещание, что это больше не повторится. Обещание я даю, но это повторяется. Лена сказала, что папа сладкое не ест. Сама Лена — девушка принципиальная, и в какой-то из дней в холодильнике и правда скопилось много всяких вкусностей. Но Лена стояла на своем и пыталась все это мне же и скормить. Это была плохая идея!

С самого утра Лена сообщила, что я смогу проводить ее на работу. Раньше почему-то не разрешала. Сегодня Лена собиралась показать мне свой университет. Рубашку, которая чуть примялась в рюкзаке, она у меня отобрала и стала ее гладить. Ничего не оставалось, как послушно ждать. Наверное, это важно. Из дому мы вышли все равно вовремя. Лена никогда и никуда не опаздывает.

От автобуса еще несколько кварталов мы прошли пешком. Миновали вокзал, перешли дорогу через пешеходный переход и дальше — прямо по улице. Перед одним из высотных зданий Лена остановилась. Это был корпус, в котором она училась. Она сообщила об этом с гордостью и чуть ли не торжественно. По дороге Лена успела рассказать мне о своем школьном учителе. Именно он привил ей любовь к химии, выделял ее среди остальных, хвалил. Она поверила ему и поступила. Не знаю, но мое поступление в университет вызывало во мне совершенно другие чувства. Мне еще предстоит провести в нем целых пять лет, ровно половину школьного срока, который только закончился. И теперь снова учеба. Не знаю еще, что меня там ожидает.

Помню, все наши вожатые в «Волне» были не только из одного города, но и из одного вуза. Тогда они оканчивали свой пятый курс. Летняя практика в лагере — последний штрих, и свобода. Значит, если бы Лена училась не здесь, а в каком-нибудь другом месте, мы бы с ней никогда не встретились! Корпус, перед которым мы стояли, теперь вызывал благоговение и у меня.

— Можно зайду за тобой после работы?

— Не нужно. Встретимся дома.

— Почему?

— Мне пора. Сегодня вернусь раньше. Не скучай.

Легко сказать... Лена скрылась внутри учреждения. Она то ли поступила, то ли еще поступала в аспирантуру, поэтому и работала здесь. Школу Лена окончила с медалью, а университет — с красным дипломом. Прилежание и тяга к знаниям навсегда для меня останутся загадкой. Если бы не родители, меня вообще не было бы ни в одном из вузов года два-три так точно. В этом мы с Леной совершенно не похожи. А так любимая ею химия в школе для меня была самым непонятным предметом. Да и успеваемость в общем так себе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.